

Составитель М. В. Демурин

Советско-германский договор
о ненападении и его обличители:
*что произошло в августе 1939 года
и происходит вокруг этого
договора сегодня*

Сборник статей информационного
агентства REGNUM

Москва
REGNUM
2020

УДК 94(48).084

ББК 63.3(2)621

Д 30

Аавторы:

Айрапетов Олег Рудольфович

кандидат исторических наук, доцент МГУ имени М. В. Ломоносова

Демурип Михаил Васильевич

публицист, ветеран дипломатической службы,
чрезвычайный и полномочный посланник II класса

Никифоров Юрий Александрович

кандидат исторических наук, доцент МПГУ, начальник научного отдела
Российского военно-исторического общества

Шишкин Игорь Сергеевич

политолог, кандидат педагогических наук, руководитель рабочей группы
Института стран СНГ по противодействию искажению истории

Демурип М. В. (сост.)

Д 30 Советско-германский договор о ненападении и его обличители: что произошло в августе 1939 года и происходит вокруг этого договора сегодня. Сборник статей информационного агентства REGNUM — М. : Издательство ИА REGNUM, 2020. — 52 с.

ISBN 978-5-91150-043-6

УДК 94(48).084

ББК 63.3(2)621

© О. Р. Айрапетов, М. В. Демурип,
Ю. А. Никифоров,
И. С. Шишкин, 2020

© Оформление. Издательство

ISBN 978-5-91150-043-6

ИА REGNUM, 2020

Оглавление

Михаил Демури

Договор между СССР и Германией от 23 августа 1939 года и современность.....5

Игорь Шишкин

«Пакт Молотова—Риббентропа» — приговор Британской Империи.....13

Олег Айрапетов

Война приближается: вторая половина августа 1939 года.....27

Олег Айрапетов

Решение принято. Советско-германский договор 1939 года.....33

Олег Айрапетов

Конец августа 1939 года. Дипломатические и военные победы СССР.....39

Юрий Никифоров

«Пакт Молотова—Риббентропа» и его обличители.....45

НИК
О ШТАБА
СТЯНСКОЙ
Армии

Народному Комиссару Внутренних дел СССР
и маршалу Советского Союза Н. С. Вихровскому.

1938 г.

I Наиболее вероятные противники:

Самая благоприятная политическая обстановка в Европе и на Дальнем Востоке как наиболее вероятных противников СССР выдвигает - американский блок - Германия, Италия, поддерживаемых Италия и Япония. Эти государства ставят своей целью изменение политических отношений с СССР до вооруженного столкновения.

Однако, в данное время Германия и Италия в Европе еще не обещали себе победы над союзниками России СССР, а Италия ведет контрреволюционную войну с Китаем, вынужденная раздробить мощь, воюющие Япония и некие большие германские государства.

Политика находящаяся в Европе американо-азиатского блока, которая сопротивляется видению самостоятельности своей внешней политики.

Самая благоприятная политика Америки и Франции по отношению к американо-азиатскому блоку в Европе найдут свое выражение, в случае войны его с Советским Союзом, с тем, чтобы больше всего сил направить против СССР.

Эта же политика Америки и Франции определит свою политику и характер военного положения в

Михаил Демурин

Договор между СССР и Германией от 23 августа 1939 года и современность¹

23 августа 1939 года — сложная дата в истории Европы. В этот день наша страна, тогда СССР, и гитлеровская Германия заключили Договор о ненападении, за которым через месяц последовал Договор о дружбе и границе. Оба документа сопровождались секретными протоколами, определявшими границы сфер интересов обоих государств. В соответствии с этими протоколами в сферу влияния СССР были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия и Литва, а также захваченные Польшей в ходе польско-советской войны 1920–1921 годов Западная Белоруссия и Западная Украина и Бессарабия, оккупированная Румынией в декабре 1917 года.

Исторический контекст

К этому времени Вторая мировая война в Европе фактически уже началась. 14 марта 1939 года, нарушив положения англо-франко-германо-итальянского соглашения о передаче Германии Судетской области Чехословакии, известного

как «Мюнхенский сговор», Германия ввела войска на территорию Чехии (в Богемию и Моравию), в то время как на территории Словакии было создано марионеточное фашистское государство. Тешинская область Чехословакии ещё в сентябре 1938 года была оккупирована действовавшей в сговоре с Гитлером Польшей, а Подкарпатская Русь 15 марта 1939 года — Венгрией. В начале апреля 1939 года Гитлер отдал приказ о введении в действие плана «Вайс», то есть плана нападения на Польшу, не позднее 1 сентября того же года.

Советский Союз последовательно поддерживал Чехословакию в противостоянии германскому, польскому и англо-французскому диктату. Москва была готова к оказанию и коллективной, и односторонней военной помощи Праге, требовала постановки вопроса о немецкой агрессии в отношении Чехословакии в Лиге Наций. Польша была предупреждена, что любая её попытка оккупировать часть Чехословакии приведёт к прекращению действия двустороннего договора о ненападении между Москвой и Варшавой.

¹ Первая публикация: РИА Новости, 23 августа 2015 года.

Англичане и французы, воспрепятствовав советским инициативам, отдали Чехословакию на растерзание германскому тигру и восточно-европейским шакалам. Причём сделали они это тогда, когда сопротивление ещё было не только реально, но и привело бы к серьёзному политическому кризису в Германии, а возможно — и к свержению Гитлера. Во всяком случае, немалая часть германского генералитета была готова к этому и информировала англичан о своей позиции.

Напомню в этой связи, что во время советско-финской войны Лондон и Париж наоборот активно использовали Лигу Наций против СССР, поставляли Хельсинки вооружения и были близки к тому, чтобы начать собственные боевые действия против СССР. Летом же 1939 года они намеренно спускали на тормозах переговоры о политическом и военном сотрудничестве в противодействии политике Берлина. Годом раньше Великобритания и Франция заключили с Германией договоры о ненападении и теперь целенаправленно подталкивали Гитлера к удовлетворению его требований «жизненного пространства» не на Западе, а за счёт СССР.

В марте 1939 года свою вынужденную готовность к военно-политическому сотрудничеству с Берлином оформила в виде договора о ненападении Литва, а в начале июня 1939 — без всякого налёта на нажим — Латвия и Эстония. Эти договоры рассматривались Берлином как инструменты, затрудняющие вмешательство СССР в предстоящее вторжение Германии в Польшу. Сама же Польша своим отказом пропускать Красную Армию через свою территорию блокировала возможность эффективных совместных действий СССР,

Англии и Франции по пресечению агрессии Германии против восточноевропейских государств. В эти месяцы Третий рейх значительно усилил не только свою военную промышленность за счёт чешской, но и в целом свой экономический потенциал, получив на договорной основе неограниченный доступ к нефтяным запасам Румынии.

Цель руководства СССР

В этих обстоятельствах цель руководства СССР заключалась в том, чтобы одновременно и оттянуть германскую агрессию, в принципиальной неизбежности которой у Кремля сомнений не было, но к которой надо было лучше подготовиться, и обеспечить большую заинтересованность Лондона, Парижа и Вашингтона в коалиционных действиях против Гитлера и его союзников.

Руководители СССР сделали тогда тот выбор, который они сделали. Это был правильный выбор, хотя и внёсший на начальном этапе сумятицу в симпатизировавшие СССР левые круги по всему миру. Свой выбор сделал и Гитлер. Он понадеялся, что его политический «разворот» в сторону СССР поможет ему быстрее достигнуть взаимопонимания с Англией и США, испугает их, заставит скорее согласиться с его устремлениями по перекройке политэкономической карты планеты. Гитлер просчитался.

Интересна оценка, которую политике Москвы дал Уинстон Черчилль, в отличие от Невилла Чемберлена и большинства британских политиков хорошо понимавший неизбежность и потенциал союзных действий с СССР против Гитлера. Назначенный с началом войны

Подписание Договора 23 августа 1939 г.

первым лордом Адмиралтейства, в своём радиовыступлении 1 октября 1939 года он заявил: «Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть».

И действительно, оккупировавшие территорию Польши германские дивизии не только не были по окончании военных действий переброшены на западный фронт, что, несомненно, произошло бы, стань Германия и СССР реальными союзниками, но число их постоянно наращивалось. Несмотря на снятую с них Советским Союзом значительную часть военного бремени, Англия и Франция, однако, так и не начали

активных и успешных действий против Гитлера в континентальной Европе ни непосредственно в первой половине сентября 1939 года, ни позже — вплоть до высадки англичан в Италии в 1943 году. Позор Дюнкерка не в счёт.

Результаты дипломатического манёвра Москвы

Итак, И. В. Сталин своим августовским 1939 года внешнеполитическим ходом не позволил англичанам и американцам направить мировую историю по собственному руслу. Он сумел превратить их из силы, стоявшей за Гитлером, и без пяти минут не просто политических, которыми они всегда оставались, но и военных противников СССР — в противников Германии и наших союзников. Союзников очень сложных, условных, таких, которых ещё пришлось удерживать от соблазна сепаратных сделок на этот раз с окружением Гитлера в 1944—

Советские и фашистские военнослужащие на новой границе. 1939

1945 годах, но в сотрудничестве с которыми всё же удалось победить нацистов и обеспечить безопасность как западных, так и восточных рубежей нашей страны, создать на многие десятилетия действенную систему международной безопасности в виде ООН.

Что касается чисто военных последствий переноса границы СССР на запад, то это тема для отдельного экспертного разговора. Были в этом и свои плюсы, и свои минусы, но плюсы явно перевешивали. Уже осенью 1939 года в соответствии с двусторонними договорами о взаимопомощи на территории Латвии, Литвы и Эстонии были размещены советские военные базы. Эти войска, усиленные в 1940 году, сыграли свою роль на начальном этапе Великой Отечественной войны, особенно в Эстонии. Не вызывает сомнений, что из-под Таллина или со старой финляндско-советской границы достичь окраин Ленин-

града гитлеровские войска смогли бы гораздо быстрее и проще, чем из Восточной Пруссии. Последствия такого броска для обороны северной столицы могли быть катастрофическими, что, в свою очередь, могло в корне изменить развитие событий на Московском направлении.

«Пакт Молотова — Риббентропа» в борьбе против России

Всего этого: своего бессилия перед лицом внешнеполитического манёвра СССР, необходимости преждевременно вступить в войну с Германией, лидерства СССР в антигитлеровской коалиции, нашей полной военной и дипломатической победы, наконец, и не может простить нам нынешний совокупный Запад — и побеждённые во Второй мировой войне, и победители.

Соответственно, дата 23 августа 1939 года намеренно «раскручивается» противниками России как повод для предъявления нашей стране различного рода «исторических», политических и даже материальных претензий, дискредитации её внешней и внутренней политики как в годы существования СССР, так и сегодня. Именно в этом контексте следует рассматривать серию резолюций, принятых в 2006–2009 годах ПАСЕ, Европейским парламентом и ПА ОБСЕ, в которых политическое устройство СССР 1930–1940-х годов приравнивается к режиму нацистской Германии, ответственность за начало Второй мировой войны возлагается на обе страны, а 23 августа был объявлен «Днём памяти жертв сталинизма и нацизма».

Началась эта раскрутка практически сразу после окончания Второй мировой войны, когда англосаксам надо было обосновать свои новые агрессивные планы в отношении СССР и отвлечь внимание от сотрудничества с гитлеровцами в прошлом и настоящем, но особую силу приобрело в контексте линии на отрыв Прибалтики и Молдавии от СССР в последние годы существования Союза. Позже прибалтийские евроатлантисты преуспели в разыгрывании карты «пакта» с целью ускорить свой приём в НАТО и ЕС с последующим использованием членства в этих организациях для осуществления своих реваншистских установок в отношении России.

На рубеже 2000-х годов Вильнюс, Рига и Таллин, а также Кишинёв приступили к экспорту методик применения «исторического оружия» в другие страны на пространстве бывшего СССР, в первую очередь на Украину. Искаженные исторические версии служат во всех

этих государствах не только внешним, но и внутривнутриполитическим задачам: формированию национальной идентичности в жестко заданной антироссийской и русофобской парадигме.

Предвзятость претензий к договорённостям Москвы и Берлина

Требования о «ликвидации последствий пакта Молотова—Риббентропа» не останавливают даже то очевидное понимание, что реальная ликвидация этих самых «последствий», то есть перехода Латвии, Литвы, Эстонии и Молдавии в 1939 году в сферу влияния СССР, неизбежно негативно сказалась бы на современных обстоятельствах их существования. Так, она, например, должна была бы включать возвращение Литвой России как правопреемнице Союза ССР Вильнюса, Вильнюсского края и Клайпеды. С Молдовой, включившей это требование в свою декларацию о независимости, ситуация сложилась ещё более абсурдная. Кишинёв настаивает на своём суверенитете в границах бывшей Молдавской ССР. Прекрасно. Но как же тогда быть с тем фактом, что создание этой союзной республики в августе 1940 года в составе территорий Бессарабии и Приднестровья, остававшегося до 1939 года свободным от румынской оккупации, и составляет одно из тех самых «политико-правовых последствий советско-германских договорённостей 1939 года»? Другими словами, хотите «ликвидации последствий», оставайтесь в границах Бессарабии, захват которой Румынией, кстати говоря, СССР никогда не признавал.

Понятно, что, как и в любой психологической войне, основой смысловых конструкций в пику советско-германским договорённостям 1939 года служит принцип «двойных стандартов». Так, «защитники суверенитета народов» «защищают» его в границах, определённых точно таким же способом: секретными договорённостями держав победителей, оформленными Версальским мирным договором 1919 года и серией последовавших за ним мирных договоров стран Антанты со странами, воевавшими на стороне Германии. Карта Европы после Второй мировой войны тоже определялась, как известно, далеко не публично. О том, как при этом учитывалось мнение самих народов, говорит хотя бы гражданская война 1944–1949 годов в Греции. Она отошла в британскую зону влияния, и англичане сами и руками своих ставленников жестоко изничтожали в ней преобладавшие там левые силы. Точно таким же негласным образом решался вопрос о перераспределении сфер влияния в Европе в 1989–1991 годах, о перекройке карты СРЮ, о продвижении самого НАТО на восток, в ряде других сюжетов современной истории. Вывод понятен: дело не в качестве или в форме договорённостей, а в том, участвовали в них англосаксы или нет. В договорённостях от 23 августа 1939 года они, напомним, не участвовали.

Урок истории для них и для нас

И вот что интересно: адептов такого подхода история мало чему учит. «Ну не получилась один раз ка-

кая-то схема, а вот сейчас, может быть, получится, потому что обстоятельства изменились...», — рассуждают они. Например, у Польши в 1920–1930-е годы не получилось «выдавить» Советский Союз из европейской политики. Более того, на решении этой задачи Варшава «сломалась». Тем не менее сегодня Польша продолжает действовать в точно таком же ключе, а историческую вину за своё фиаско 75-летней давности пытается возложить на Москву. Не удалось в 1930–1940-е годы Западу извлечь выгоду из пестования антисоветских режимов на окраинах СССР — он пробует создать «санитарный кордон» ещё раз, давая этому соответствующее «историческое» обоснование. Не удалось благополучно для себя взрастить «суперврага» СССР, нацизм, — Запад формирует новую версию нацизма прибалтийского и украинского разлива, стимулирует этнический и религиозный радикализм и терроризм на границах России и внутри неё.

Есть в самой дате 23 августа 1939 года, её честном историческом анализе и сопровождающих её политических спекуляциях (в них, к сожалению, присутствует и вклад отдельных российских политиков и историков) важный урок для нашего современного государства и российского общества в целом. В позднее перестроечное время преобладающая часть руководства СССР потеряла психологический и идеологический иммунитет, в первую очередь, во взгляде на отечественную историю, и в результате наша страна проиграла не только в информационной, но и политической борьбе. Такого иммунитета нам всё ещё очень не хватает. Его надо восстановить и бдительно сохранять.

Как защитить правду истории

Надо, однако, хорошо понимать: в Латвии, Литве, Эстонии, Украине, Грузии, Молдавии, а также у их западных партнеров поправление русской истории и национальных чувств русского и других населяющих нашу страну народов возведено в ранг государственной политики. Поэтому исключить острые исторические темы из политического диалога, «оставив историю историкам», как к тому призывают некоторые наши политики, не удастся. Не удастся решить проблему политизации истории и путем «взаимного согласования» различных образов прошлого. С кем «согласовывать»? С мастерами психологической войны? С «диверсантами от истории»? Да и как можно найти, например, компромисс между тезисом о «советской оккупации» и реальной картиной ввода советских войск в Литву, Латвию, Эстонию и Бессарабию в 1940 году? Между обвинениями в «русификации» и «геноциде» и честными сведениями о развитии экономики и общественно-политической жизни этих республик в советский период, об условиях, созданных там для развития латышского, литовского, эстонского, молдавского этносов? Между попытка-

ми героизировать пособников нацистов и «лесных братьев» в Прибалтике и данными о военных преступлениях первых и устроенном вторыми масштабном терроре против лояльных советской власти местных жителей? И разве согласуется правда о пособничестве украинских нацистов гитлеровцам, об устроенном ими геноциде евреев и поляков, об участии в истреблении русских и самих украинцев с известной позицией, которую по поводу всего этого занимают современные украинские официальные историки?

Прямая обязанность и государства, и общества — защищать свою историю и национальные чувства своих граждан. В этом контексте важно продолжать исправление тех искажений в политико-юридических квалификациях событий и документов XX века, которые с конъюнктурными целями в рамках общей линии на развал СССР и ослабление России были допущены в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Это касается и известного Постановления Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 года по поводу советско-германских предвоенных договоров и сопровождавших их секретных протоколов, в котором вся эта история выписана далеко не подходящим образом.

Игорь Шишкин

«Пакт Молотова—Риббентропа» — приговор Британской Империи²

Премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж, узнав о крахе Российской Империи, радостно воскликнул: «Одна из главных целей войны достигнута!» Сейчас совершенно не принципиально — произносил британский премьер эту фразу или ему ее приписали. Главное, что она точно раскрывает суть политики Англии в отношении России. Ведущая роль Лондона в Февральской революции — очевидный факт, подтвердивший истинность классической формулы выдающегося русского геополитика генерала Алексея Едрихина (Вандама): «Хуже войны с англосаксом может быть только дружба с ним».

Однако в данном конкретном случае «коварный Альбион», нанеся удар по союзнику, совершил больше, чем преступление, он совершил роковую ошибку. Запустив маховик развала России и тем самым обеспечив исключение ее из числа будущих держав-победителей, Лондон оказался вынужден для сокрушения Германии допустить вступление в войну Америки. Позволил молодому хищнику

впервые попробовать силы в схватке за мировое господство.

При этом Российская Империя, столь мастерски торпедированная Лондоном в феврале 1917 года, всего через несколько лет после катастрофы возродилась в облике Советского Союза, который из Второй мировой войны вышел уже в статусе сверхдержавы. Для Британской же империи победа в Первой мировой оказалась «пирровой», а по итогам Второй мировой она и вовсе «приказала долго жить» — место гегемона Запада перешло к Соединенным Штатам.

Да, могильщиком Британской Империи были союзные ей США (дружба с англосаксом опасна и для англосакса), но смертельный удар империи нанес все же СССР, когда заключил «пакт Молотова—Риббентропа» и тем самым сломал британский сценарий Второй мировой войны. Пакт был в прямом и переносном смысле «нашим ответом Чемберлену», еще раз подтвердившим народную мудрость — «не копай яму другому, сам в нее попадешь».

² Первая публикация: ИА REGNUM, 10–12 июля 2019 года.

Конечно, утверждение о том, что «пакт Молотова — Риббентропа» погубил Британскую Империю, может показаться преувеличением. С тем, что он погубил Вторую Речь Посполитую, уверен, согласятся многие. Польша в первую очередь. Лишил независимости «маленькие, но гордые» прибалтийские республики — не вызовет возражений ни у кого. Латвия, Литва и Эстония об этом кричат на каждом углу. Но, чтобы саму Британскую Империю — это уж слишком. Обвинение же Англии, одного из создателей антигитлеровской коалиции, в планировании Второй мировой войны, и вовсе может кому-то показаться злостным наветом. Поэтому давайте разбираться по порядку.

Жертва или хищник

Официально виновником и Первой и Второй мировых войн признана Германия. Ни в коей мере не собираюсь обелять ни кайзера Второго рейха, ни фюрера Третьего. Тем более что по Гитлеру и его поделщикам есть приговор Нюрнбергского трибунала. Но следует ли из виновности Германии, что в обеих мировых войнах Британская Империя была жертвой? По-моему, даже сама постановка такого вопроса по отношению к Великобритании, превратившей полмира в свою колонию, звучит противостоестественно.

На протяжении последних столетий в истории западной цивилизации наблюдаются два взаимосвязанных процесса. С одной стороны, экспансия Запада вовне, связанная с захватом чужих ресурсов и рынков, попыткой превратить весь Земной шар в свою колонию.

С другой стороны, внутрицивилизационная борьба за лидерство, в которой решалось, кто будет править миром от лица Запада, кому достанутся главные дивиденды. Действующие лица этой борьбы менялись неоднократно: Испания-Франция, Испания-Англия, Англия-Голландия, Франция-Англия, Германия-Англия, Германия-Англия-США. Суть же процесса оставалась неизменной — схватка хищников за право получать львиную долю добычи.

Совершенно очевидно, что понятие «жертва» к такой борьбе неприменимо в принципе. Независимо от того, кто на кого напал первым в каждом конкретном раунде борьбы за гегемонию. Точно так же, как дико объявлять «жертвой», допустим, еврейскую мафию в США от того, что очередную мафиозную войну за передел рынка наркотиков начала не она, а мафия итальянская.

Великобритания, одолев в ожесточенной борьбе Испанию, Голландию и Францию, во второй половине XVIII в. заняла господствующие позиции на морях и в колониях. Что неизбежно сделало ее самой богатой и могущественной страной Запада, невиданной еще в человеческой истории по размерам и мощи Империей. Однако британская гегемония вовсе не отменила, а напротив, стимулировала стремление других наций Запада перераспределить мировые богатства в свою пользу. «Наполеоновские войны», Первая и Вторая мировые — были не чем иным, как попытками сначала Франции, а затем Германии, сокрушить Англию, чтобы занять ее место главного выгодополучателя от колониального разграбления богатств мира. Вторую мировую войну отличало лишь то, что претендент был не только

«обычным» хищником, как Французская Империя или Второй рейх, но и носителем человеконенавистнической идеологии национал-социализма.

Положение мирового лидера Британской Империи удавалось сохранять вплоть до середины XX в. Причин тому немало. Но одной из них, несомненно, была последовательная внешнеполитическая стратегия, которую очень точно сформулировал Черчилль:

«В течение четырех столетий суть внешней политики Англии заключалась в том, чтобы противостоять самой сильной, самой агрессивной державе, занимающей главенствующее положение на континенте ... Для Англии не имеет никакого значения, кто именно стремится к господству над Европой ... Таков основной закон международных отношений, которому мы следуем».

Именно неуклонное следование этому «закону» позволяло Британии из века в век выходить победителем из войн за лидерство и оставаться самой богатой страной Запада и всего мира.

Хищник-миротворец

Однако в преддверии Второй мировой войны Британскую Империю, казалось бы, подменили. Вместо того, чтобы по хорошо отработанному алгоритму придушить еще в зародыше Третий рейх, явно стремившийся поставить под свой контроль континентальную Европу, чтобы затем бросить вызов британской гегемонии, Лондон стал проводить в отношении него политику «умиротворения». Великобритания фактически собственными руками взрастила соперника, для спасения от которого затем

пришлось заплатить страшную цену — передать контроль над Империей Соединенным Штатам, сведя тем самым на нет результаты четырех веков борьбы.

Чаще всего «странности» предвоенной политики Лондона объясняют:

- желанием британского правительства любой ценой избежать новой мировой войны;
- неадекватностью Чемберлена, которого Гитлер обыграл «вчистую»;
- зоологическим антикоммунизмом британской элиты, ее стремлением руками Третьего рейха уничтожить СССР.

С антикоммунизмом не поспоришь, его влияние на политику «умиротворения» — очевидный факт. Чего не скажешь об английском «пацифизме» и профнепригодности руководства Британии. Как говорил Станиславский: «Не верю».

Можно сколько угодно писать о том, что политика «умиротворения» и ее апофеоз — «Мюнхенский сговор» — были порождены неготовностью английской армии к боевым действиям на континенте, а также страхом перед войной английского общества, еще не отошедшего от шока Первой мировой. Можно приводить в подтверждение этого красноречивые цифры о числе английских дивизий, пушек и самолетов, об ужасающих размерах возможных потерь гражданского населения в случае налетов немецкой авиации. Можно цитировать Чемберлена:

«Как ужасно, что мы должны рыть окопы из-за столкновения в далекой от

нас стране между народами, о которых мы почти ничего не знаем. Как бы мы ни симпатизировали маленькой стране, столкнувшейся с большой и мощной державой, мы ни при каких обстоятельствах не можем позволить вовлечь Британскую империю в войну только по этой причине».

Только все это разговоры «в пользу бедных».

Для того, чтобы избежать войны, к чему якобы стремилась Великобритания и на что была направлена ее политика «умиротворения», Лондону совершенно не нужна была ни боеспособная армия, ни готовность народа умирать на фронтах. Достаточно было в 1936 году во время «Рейнского кризиса» не мешать Парижу «приструнить» Берлин (13 французских дивизий против 3 немецких батальонов), а в 1938 году поддержать заговор немецких генералов.

Вместо этого, в первом случае, английское правительство заставило Францию (буквально выкрутив ей руки) отказать от оккупации Рейнской области и тем спасло нацистский режим от неминуемого краха. А чтобы не допустить свержения Гитлера генералами Лондон форсировал подписание Мюнхенского договора. От страха быть втянутыми в войну, к которой страна не готова, так себя не ведут.

Для объяснения уже этой «странности» английской политики как нельзя лучше подходит «недалекий» Невилл Чемберлен, которого сделали ответственным за провал «политики умиротворения». В версию о «незадачливом миротворце» можно было бы и поверить, если бы британский премьер единолично определял политику Империи, и если бы его политика в отношении

Германии принципиально отличалась от политики предшественников.

В 1936 г. не позволил французам расправиться с нацистским режимом премьер Болдуин, которого по разряду «недотеп» никто не числит. Основу политики «умиротворения» (подготовки новой большой европейской войны) заложили Локарнские соглашения. Они гарантировали западных соседей Германии от попыток Берлина пересмотреть послевоенные границы и не содержали подобных гарантий в отношении восточных соседей Веймарской республики. Главным действующим лицом Локарнских переговоров — первого шага на пути ко Второй мировой войне, был министр иностранных дел Великобритании Остин Чемберлен, брат Невилла, до сих пор считающийся одним из величайших дипломатов Британской Империи.

Кстати в этом же ряду предшественников Невилла Чемберлена на ниве «умиротворения» Германии всплывает и еще один выдающийся британский политик и при этом яростный противник Чемберлена — Уинстон Черчилль. Как писал Валентин Фалин, «от многих вопросов нас избавит документ, который Сталин хранил до самой смерти в рабочем шкафу. А именно: запись беседы Черчилля с внуком Бисмарка, первым секретарем посольства Германии в Лондоне, состоявшейся в октябре 1930 г. Немцы — недоумки, рассуждал Черчилль. Будь помышлённей, все силы в Первой мировой войне они сосредоточили бы на разгроме России. В этом случае англичане позаботились бы о том, чтобы Франция немцам не мешала».

Как видим, списать «странности» предвоенной политики Лондона на неведомо откуда взявшийся пацифизм ан-

глийской элиты и глупость Невилла Чемберлена невозможно. Трудно не согласиться с Андреем Фурсовым, утверждавшим, что «курс на appeasement («умиротворение», англ.) был не ошибкой и не глупостью. То был курс на сохранение Британской Империи».

О том, что целью «миротворчества» британского хищника было совершенно сознательное и прагматичное провоцирование новой войны во имя интересов Британской Империи пишет и Наталья Нарочницкая:

«До сих пор тиражируется суждение, что Британия полагала умиротворить Гитлера. Нет! Самое страшное для англосаксов случилось бы, если бы Германия удовлетворилась Мюнхеном и аншлюсом Австрии ... Британия рассчитывала вовсе не умиротворить Гитлера, но соблазнить его продвижением на восток ... Агрессия на восток давала повод вмешаться и, при удачном стечении обстоятельств, довершить геополитические проекты не только в отношении стран, подвергшихся агрессии, но всего ареала».

Триумф на краю

Зачем Англии к середине XX века оказалась жизненно необходима новая большая война в Европе? От безысходности. Как это ни странно звучит по отношению к стране, победившей в Первой мировой войне.

Первая мировая война (спровоцированная все той же Англией) формально закончилась для Британской Империи полным триумфом. За счет колоний поверженных держав Империя достигла фантастических, никогда невиданных в человеческой истории размеров: 22%

земной суши оказались в распоряжении «владычицы морей», а ее подданными — каждый четвертый житель Земли.

Европейский континент, бросавший из века в век смертельный вызов английской гегемонии, был нейтрализован. Германия лежала в политических и экономических руинах. Франция, несмотря на статус государства-победителя, в войне надорвалась, а благодаря искусству британской дипломатии по Версальскому договору не получила ничего из того, что могло бы сделать ее хозяйкой Европы. На месте Австро-Венгерской Империи было создано несколько государств с искусственными границами, что позволяло Лондону в идеальных условиях проводить свою традиционную политику «разделяй и властвуй».

Соединенные Штаты, проиграв дипломатический бой в Версале, из Европы были вынуждены убраться «не солоно хлебавши».

Российская Империя, которую Великобритания со времен победы над Наполеоном совершенно справедливо считала главным препятствием на своем пути к мировому господству, погрузилась в хаос Гражданской войны.

Казалось бы, при таких результатах войны XX век неминуемо должен был стать английским веком, а британской элите оставалось лишь воскликнуть: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!»

Однако в реальности взлетевшая на вершину могущества Империя, гегемон мира, после Версаля увидела себя на краю пропасти. Все предшествовавшие войны на протяжении нескольких веков фантастически обогащали Британию. Первая мировая война ее разорила. Страна потеряла четверть национального богатства, а ее государ-

ственный долг за время войны вырос в 12 раз. Главный кредитор мира превратился в балансирующего на грани банкротства должника Соединенных Штатов Америки. Моря крови пролились золотым дождем не на лондонский Сити, а на нью-йоркскую Уолл-стрит. Туда же начал перемещаться и мировой финансовый центр.

Обретенная по итогам Первой мировой войны финансово-экономическая мощь позволила Америке с легкостью компенсировать дипломатическое поражение на мирной конференции и всего через несколько лет после Версаля мощно заявить о своих претензиях на место гегемона Запада и всего мира.

Уже в 1922 г. Соединенные Штаты вынудили Британскую Империю, недавнюю владычицу морей, высокомерно провозглашавшую «стандарт двух держав» (английский флот обязан быть сильнее объединенных флотов двух самых крупных после Британии морских держав), подписать Вашингтонский договор, устанавливающий равенство военно-морских сил Америки и Империи. Иначе как договором позора для Империи этот документ назвать нельзя.

Безысходность

Конечно, Великобритании за ее многовековую историю не раз бросали смертельный вызов, к этому ей было не привыкать. В чем в чем, а в способности бороться за свои интересы и умении побеждать британцам не откажешь. Технологию такой борьбы, позволявшую из каждой схватки за гегемонию выходить победительницей, Англия отработала до совершенства. Суть ее предель-

но «проста»: обострение противоречий между противником и всеми его соседями, создание против него коалиции, провоцирование войны между ними и, в конце концов, при финансовой поддержке Лондона и английской морской блокаде победа чужими руками и чужой кровью над часто гораздо более сильным в военном и экономическом отношении конкурентом.

Однако стратегия, доказавшая свою стопроцентную эффективность на европейском континенте, с большим числом перманентно воюющих друг с другом государств, оказалась абсолютно неприменима против США. Канада и Мексика и в малейшей мере не годились на роль британской «шпаги на континенте». Коалиция «банановых республик», идущая на бой с Вашингтоном, — в такое даже в горячечном бреду поверить невозможно.

Да, английские войска в 1814 г. собственноручно сожгли Белый дом и Капитолий, но повторить тот успех в условиях равенства военно-морских сил и финансово-экономического превосходства Америки у Британии не было никаких шансов. Поэтому уже к середине 20-х годов стало совершенно очевидно, что в борьбе за гегемонию с Соединенными Штатами Америки Британская Империя обречена на поражение.

Мало было Лондону Америки, так все та же якобы победная для Британии Первая мировая война породила беду, которую совсем не ждали. Российская Империя в результате революции и Гражданской войны преобразилась в Советский Союз и из препятствия на пути к мировому господству Великобритании превратилась в прямую угрозу как непосредственно Британской Империи (ан-

тиколонизм), так и многотысячелетнему миропорядку, основанному на власти меньшинства (элиты) над большинством (мировая революция).

Опять-таки к середине 20-х годов полностью улетучились надежды на то, что «противоестественный» социально-экономический и политический строй в большевистской России рухнет сам собой. Попытка Лондона в 1927 году задуть СССР совместными усилиями «цивилизованного мира» полностью провалилась. И это в условиях, когда в колониях при поддержке Москвы начинает раскручиваться маховик национально-освободительных движений, а в метрополии, как и по всей Европе, коммунистические идеи овладевают массами и парламентская демократия явно начинает не справляться с задачей обеспечения власти крупного капитала. Сейчас нам даже трудно представить, какие страх и ненависть испытывала британская элита, как и элиты всех стран Запада, к Советскому Союзу в те годы.

Британия выбирает войну

Казалось бы, в условиях американского вызова и еще более страшного вызова большевистского у Британской Империи не оставалось никакой возможности уцелеть. Но не зря нарком иностранных дел Советской России Георгий Чичерин считал, что «на берегах Темзы сосредоточилась вся мудрость капиталистического мира».

Английский правящий класс в почти безвыходной ситуации смог найти экстраординарное решение, дающее хоть и небольшой, но все же реальный

шанс коренным образом изменить расклад сил на международной арене и тем самым не только сохранить, но и упрочить гегемонию Британской Империи. Таким решением для Великобритании оказалась новая большая война в Европе (именно в Европе, а не мировая война).

Почему это решение можно считать «экстраординарным»? Естественно, не из-за его антигуманности. Никакой гуманизм не помешал Лондону спровоцировать Первую мировую войну, Русско-японскую, Крымскую и далее по списку. Война — стандартный инструмент британской политики, норма для нее.

Экстраординарность заключалась в том, что Лондон ради спасения Империи от большевистской и американской угрозы решил пойти по пути умножения угроз, а не их уменьшения. Англия стала собственными руками искусственно вскармливать еще одного врага — Германию. Врага, в равной мере смертельно опасного и для СССР, и для США. В какой-то мере здесь уместна аналогия со встречным палом при лесных и степных пожарах.

География и тогдашний уровень техники не позволяли Британской Империи столкнуть США и СССР в полномасштабной войне на взаимное уничтожение, заняв крайне выгодную позицию «третьего радующегося». Самостоятельно уничтожить Америку и Советскую Россию, как уже говорилось, Великобритания также не могла. Включение же в борьбу четвертого участника, Германии, сразу же позволяло Лондону радикально изменить ситуацию.

Только Германия и никто больше на тот момент времени имела теоретиче-

скую возможность уничтожить Советский Союз. Но, конечно же, не Германия, поверженная и разоренная самими британцами по итогам Первой мировой, а многократно усилившаяся в экономическом и военном отношении благодаря все тем же британцам (политика «умиротворения»).

Английский план новой большой войны в Европе реконструировать не так уж и сложно. Накачавший мускулы Берлин развязывает войну на Востоке. СССР и Германия перемалывают силы друг друга. «Победителя» Великобритания добывает руками французов. В результате одним выстрелом оказываются убиты три зайца: Советский Союз уничтожен, в качестве попутного бонуса окончательно добыта Германия, США лишаются возможности оспаривать британскую гегемонию.

Спасением элит «цивилизованного мира» от коммунистической опасности Империя политически обыгрывает США, доказывает свое несомненное право быть лидером Запада. Одновременно изменяется в пользу Великобритании военно-стратегический и экономический баланс сил. Если Первая мировая война призвана была сделать Европу безопасной для Империи, а Россию погрузить в хаос, то новая война при планируемом в Лондоне исходе должна была поставить под контроль Великобритании европейскую промышленность и российские ресурсы. В таких условиях отбить у Америки гегемонистские амбиции было уже делом техники. Полное торжество Pax Britannica.

Авантюра? Несомненно. Но у британской элиты не оставалось никаких иных способов спасти Империю. Или новая большая война в Европе, дающая

хотя бы минимальный шанс на сохранение и упрочение английской гегемонии в мире, или неизбежный крах. Элита Британии, как и следовало ожидать, выбрала войну.

Планов громадье

Говоря об английском плане новой европейской войны, необходимо учитывать три момента:

1. Помимо официальной западной позиции, на корню отрицающей само существование подобного плана и объясняющей предвоенную политику Лондона повальным пацифизмом британского правящего класса и неадекватностью премьера Чемберлена, существует еще позиция, которую лучше всех выразил Андрей Фурсов: Британская Империя «умиротворяла» Германию не только для уничтожения ее руками СССР, но и для того, чтобы в дальнейшем вести борьбу против Америки «на основе союза с Германской Империей как евразийской. Или европейской».

Не приходится сомневаться в том, что подобную концепцию активно продвигали немцы. Проиграв в Первой мировой войне, Германия вовсе не избавилась от стремления к мировому господству. Для нее было жизненно важно, как можно дольше иметь Британию партнером, а не врагом. Максимально использовать потенциал Англии для достижения своих целей: благодаря политике «умиротворения» взять под контроль континентальную Европу, уничтожить СССР, а затем совместно с Британской Империей сокрушить Америку. Без взаимодействия с Великобританией, без ее флота и бесчисленных ко-

лоний сделать последнее было бы почти невероятно. Поэтому для Берлина выгодней всего было оставить Лондон «на десерт».

Не приходится сомневаться и в том, что британские политики могли подбрасывать немцам идею совместной борьбы с Америкой. Тешили их надеждами на сотрудничество после восточного похода, чтобы легче было заманить в подготавливаемую ловушку. Возможно, кто-то из английских политиков и действительно верил в подобный противоестественный союз. Но надо полагать, в целом правящий класс Британской Империи трезво смотрел на мир и подобно Черчиллю прекрасно понимал, что Германия, «заполучив» с английской помощью «полное господство над Европой, сразу после этого ... не преминула ограбить и разорить нас самих».

2. Америка вовсе не была сторонним наблюдателем за направленной против нее деятельностью Британии. В 1920–1930-е годы она сама активно готовила новую большую войну. Только в отличие от Англии не европейскую, а мировую. Без новой мировой войны, которая должна была исправить «недоработки» Первой мировой, США не имели возможности ни решить свои социально-экономические проблемы, ни устранить конкурента в Тихоокеанском регионе, ни уничтожить СССР, ни ликвидировать Британскую Империю, чтобы вместо Pax Britannica утвердить Pax Americana. Кстати именно этим, а не патологической жадностью бизнесменов («Капиталисты сами продадут нам веревку, на которой мы их повесим»), объясняется активное участие американских кампаний в индустриализации СССР и развитии военно-промышленного

комплекса Третьего рейха. Показательны слова президента имперского банка Рейха Ялмара Шахта, сказанные во время Нюрнбергского процесса: «Если вы хотите предъявить обвинение промышленникам, которые помогли перевооружить Германию, то вы должны предъявить обвинение самим себе». Впрочем, американский план войны и его реализация — отдельная тема.

3. Когда речь идет о британском плане большой европейской войны, необходимо учитывать, что это, конечно, гипотеза. Точнее, реконструкция. Вероятность существования правительственного документа с его изложением близка к нулю. Но практически никогда не бывает и документов с планами готовящихся преступлений. Из чего не следует, что преступления не планируют. Достоверность реконструкции определяется не наличием того или иного документа, а тем, «вписываются» в нее достоверно известные факты предвоенной периода и начала войны или нет.

От Локарно к Мюнхену

Первым крупным успехом британской дипломатии на пути организации новой большой войны в Европе следует считать Локарнские договоры 1925 года. В переводе с дипломатического на русский, они означали «реабилитацию» побежденной Германии, ее превращение из изгоя в полноправного члена семьи цивилизованных народов Запада в обмен на «сущий пустяк» — будущий поход против СССР и немедленный отказ от курса на сближение с Советской Россией (который был начат Рапалльским договором).

Фактически в Локарно Веймарские правители согласились с отведенной Германии ролью британского киллера на Востоке, которого после выполнения акции обязательно ликвидируют. Понимали они на что обрекают страну или не понимали — сейчас неважно. Процесс пошел. И Остин Чемберлен заслуженно по итогам Локарно стал кавалером ордена Подвязки и лауреатом Нобелевской премии мира.

Крушение Веймарской республики и установление в Германии нацистского режима ни в коей мере не привело к пересмотру британских планов. Независимо от того, способствовала или нет Англия победе национал-социалистического движения, нельзя не признать, что гитлеровский режим был крайне выгоден для стратегических целей Британской Империи.

Во-первых, нацистская Германия и коммунистический СССР по определению становились смертельными врагами, а значит, Лондону можно было забыть об извечном кошмаре англосаксов — призраке российско-германского союза. Во-вторых, нацистская Германия оказывалась идеологически «заточена» на тотальную войну против СССР. В-третьих, человеконенавистническая природа гитлеровского режима давала Великобритании прекрасное объяснение причин «зачистки» чуть живого Третьего рейха после уничтожения им СССР. Англия представляла в образе спасителя цивилизации не только от большевизма, но и нацизма. Эффективный лидер мира. И последнее, нацизм в Германии позволял гегемону Запада опробовать на «стране, которую не жалко» альтернативную социально-политическую систему обеспечения власти крупного капитала

на случай, если парламентская демократия не сможет свести на нет коммунистический вызов.

Пересказывать, как именно Британия помогала накачивать мускулы германской военной машине и содействовала укреплению гитлеровского режима, полагаю, нет нужды. Факты политики «умиротворения» хорошо известны. Но мимо «Мюнхенского сговора» пройти невозможно.

Уже традиционно и у нас в стране, и на Западе Мюнхен трактуется как крупнейшее поражение британской дипломатии, как полный провал многолетней «политики умиротворения», как безусловная победа Гитлера и позор Чемберлена (Невилла). Однако такая трактовка правомерна только в том случае, если мы верим, что британский правящий класс «умиротворял» Гитлера по причине своего безволия, глупости и непреодолимой тяги к миру во всем мире, особенно в Европе. Если же признать, что целью «политики умиротворения» была новая большая война в Европе во имя спасения Британской Империи, тогда и отношение к Мюнхену кардинально меняется.

Мюнхен — это триумф британской дипломатии. Процесс, блестяще начатый Остином Чемберленом в Локарно, достиг при Невилле Чемберлене своей высшей точки в Мюнхене. Де-факто по Мюнхенскому соглашению была образована Директория четырех (Англия, Франция, Германия и Италия), наделившая себя правом решать судьбу всех остальных европейских государств. А во главе этой Директории и, соответственно, всей континентальной Европы встала Великобритания. Это ли не успех?

Третий рейх, приняв из рук Директории, а точнее Британской Империи,

Судетскую область с ее развитым военно-промышленным комплексом, автоматически признал себя младшим партнером Лондона, которому теперь пришло время выполнить свою миссию — уничтожить СССР. Показательны слова Муссолини о соглашении, якобы касавшемся исключительно германо-чехословацких территориальных проблем: «То, что произошло в Мюнхене, означает конец большевизма в Европе, конец всего политического влияния России на нашем континенте».

Отсюда, кстати, и столь острая реакция на Мюнхен в Москве. Дело было, конечно же, не в том, что судьбу Чехословакии решили без участия Москвы. Очевидное для Муссолини было понятно и Сталину. После Мюнхена война с Германией на уничтожение становилась практически неизбежной, причем в самое ближайшее время. Поэтому Чемберлен при возвращении в Лондон по праву чувствовал себя триумфатором.

Гладко было на бумаге

Однако, как справедливо отмечает Олег Айрапетов, «радость в Англии была не всеобщей. 1-й лорд Адмиралтейства Дафф Купер в знак протеста подал в отставку. В течение нескольких дней октября он получил 4 тыс. писем, 90% авторов которых одобряло его поступок. Черчилль назвал случившееся «тотальным и абсолютным поражением». И все основания для такой оценки у него и его единомышленников были.

Победы, а Мюнхенское соглашение было победой Чемберлена, нередко оказываются пирровыми. Еще Мольтке-старший говорил: «Ни один план

не переживет первого столкновения с врагом». Черчилль раньше других понял, что британский план новой войны перестал соответствовать европейским реалиям и дальнейшие успехи в его реализации могут обернуться катастрофой для Империи. Гитлер из инструмента британской политики стремительно превращался в самостоятельного игрока, более опасного для Британской Империи, чем США и Советский Союз.

Тревожные звоночки, подтверждающие правоту Черчилля, начали звучать практически сразу после Мюнхена. Как сообщало в Москву советское полпредство, в правительственных кругах Англии на волне мюнхенской эйфории царит уверенность, что «далее Гитлер пойдет на Восток и что его ближайшим крупным объектом является Украина». Ожидалось создание Германией на обломках Чехословакии «независимого» государства Украина в Прикарпатье, которое потребует освобождения украинского народа от москальского ига и предъявит территориальные претензии на УССР.

Решение Первого Венского арбитража (фактически Берлина) по передаче Прикарпатья Венгрии стало холодным душем для Лондона. Когда же Гитлер собственным решением полностью ликвидировал Чехословакию, демонстративно не испросив на это разрешения Директории (хотя мог не сомневаться в положительном для себя ответе), прозрели даже слепые — Гитлер, выжав максимум из политики «умиротворения» для усиления Германии, начал собственную игру.

Мало этого, британский успех в Мюнхене повлек за собой радикальное изменение внешнеполитической

линии СССР — отказ от политики коллективной безопасности. Если Мюнхен у нас принято критиковать, то политику коллективной безопасности и ее автора наркома Литвинова (мягко говоря, ориентированного на англосаксонский мир) принято превозносить. Однако при всей внешней «красивости» (сплотим все народы доброй воли и совместно придушим агрессора) в реальности эта политика нацеливала СССР на войну с Германией. Она ставила две страны в неустойчивое положение постоянного балансирования на грани вооруженного конфликта, что как нельзя лучше соответствовало стратегическим целям Британской Империи, открывало перед ней возможность в любой удобный для Лондона момент спровоцировать советско-германскую войну.

Мюнхен показал, в какую ловушку Литвинов заводил Советский Союз, и в мае 1939 г. наркомат иностранных дел возглавил Молотов. Тем самым Москва недвусмысленно дала всем понять, что не собирается во имя британских интересов, как и интересов остального «прогрессивного человечества», «освободить» военным путем Германию от нацистского режима, что отныне она будет заботиться только о собственной безопасности и предоставляет европейцам самим расхлебывать заваренную ими кашу.

Форсаж

Британский план большой европейской войны начинал сыпаться прямо на глазах. Но ответ Лондона не заставил себя долго ждать. Был найден единственно возможный в тех условиях ход — немедленное провоцирование германо-поль-

ской войны, которую необходимо затем перевести в германо-советскую. Польшу бросали под немецкий каток, чтобы он с разгона врезался в СССР. Если ни Берлин, ни Москва не желают идти на предписанную им Лондоном войну, то война должна прийти к ним.

«Миротворец» Чемберлен, еще недавно отказывавшийся рисковать жизнью англичан из-за каких-то там территориальных споров Праги с Берлином, стремительно преисполнился воинственности и объявил о готовности лечь косями за свободу и независимость Польши. «Той самой Польши, которая всего полгода назад с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении Чехословацкого государства», как ехидно подметил Черчилль.

Бред? Несомненно, но только до тех пор, пока мы закрываем глаза на истинные цели британского правительства. А они очевидны. Даже Лиддел Гарт, автор можно сказать канонической английской версии Второй мировой войны, был вынужден признать ответственность Великобритании: «Как же получилось тогда, что Гитлер оказался вовлеченным в «большую войну», которой так хотел избежать? ... Гарантии Польше были наиболее верным способом ускорить взрыв и начало мировой войны».

Одновременно с нагнетанием германо-польских противоречий Лондон инициировал англо-франко-советские переговоры в Москве, единственный смысл которых был в том, чтобы не дать Советскому Союзу сорваться с крючка политики коллективной безопасности и изолироваться от готовящейся польско-немецкой войны.

Однако британские стратеги невнимательно прочитали Отчетный доклад

Сталина на XVIII съезде ВКП(б). 10 марта 1939 г. советский вождь в нем ясно и четко сформулировал одну из главных задач внешней политики страны: «Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками». Кого имел в виду Сталин под «провокаторами войны» было совершенно очевидно, как очевидно и то, что СССР в коллективную опасность больше «играть» не собирался.

Крах

В отличие от Чемберлена Гитлер сигнал из Москвы понял правильно. 23 августа 1939 г., всего за несколько дней до начала спровоцированной Лондоном польско-немецкой войны, в присутствии Сталина Молотов и Риббентроп подписали Договор о ненападении между Советским Союзом и Германией, вошедший в историю как «пакт Молотова — Риббентропа».

Для Британской Империи небо упало на землю, случилось немыслимое: два смертельных врага (нацизм и коммунизм), вместо того, чтобы вцепиться друг другу в горло, пошли на временный компромисс и решили свои проблемы за счет Британской Империи (Польша и Прибалтика с Румынией — это все производные мелочи).

Пакт не остановил и не мог уже остановить запущенный Великобританией маховик новой большой войны. Но, как справедливо отмечала Наталья Нарочницкая, он «изменил очередность и «расписание» планируемых Гитлером нападений». Это означало, что Советский Союз Гитлер, конечно, собирается уничтожить, но прежде он намерен лишить Лондон «шпаги на континенте» — разгромить Францию, стать господином Европы и обрести мощь, сопоставимую с мощью Британской Империи. При таком развитии событий у Великобритании останется лишь два выхода: 1. Принять предложение Гитлера и пойти в роли подручного вместе с ним против СССР, а затем США, с последующим несомненным съедением на десерт; 2. Воевать против Гитлера в союзе с Америкой, а возможно и СССР, с последующим столь же несомненным съедением на десерт Вашингтоном. При любом варианте — конец Британской Империи и британской гегемонии.

Поэтому «пакт Молотова — Риббентропа» — это смертный приговор Британской Империи, после которого у нее не осталось никаких шансов уцелеть. Для Великобритании 23 августа 1939 г. было, есть и будет днем, точнее ночью, поскольку пакт был подписан глубокой московской ночью, крупнейшего за ее историю национального поражения.

Олег Айрапетов

Война приближается: вторая половина августа 1939 года³

14 августа глава французской военной миссии на переговорах в Москве генерал Думенк обратился в Военное министерство с просьбой максимально быстро решить вопрос о сотрудничестве с Польшей, для чего предлагал срочно направить туда военную миссию. Это предложение, по его словам, поддержал и адмирал Дракс. Необходимо было принимать решение, которое могло бы подействовать на Москву положительным образом. 15 августа военно-воздушный атташе Франции в Германии сообщил в Париж: «Военные приготовления Германии продолжают наращаться и распространяться. Уже сейчас они приобретают такой размах во всех областях, что не могут оставить никакого сомнения в желании Германии быть готовой за короткий срок подкрепить в случае надобности силой оружия свои политические притязания в отношении Польши». Информацией мало владеть, ей нужно иметь возможность или желание воспользоваться. 15 августа Шапошников поставил англичан и французам в известность о планах советской стороны. 16–17 августа сторо-

ны обменялись информацией о возможностях своих ВВС, после чего в совещаниях был сделан перерыв. Переговоры явно затягивались.

15 августа посол Германии в СССР граф Шуленбург настоял на приеме в Наркомате иностранных дел. При разговоре с Молотовым он сделал предложение о значительном улучшении советско-германских отношений и даже посредничестве Германии в урегулировании пограничных конфликтов с Японией. 17 августа последовала новая встреча Молотова и Шуленбурга. Фактически начались советско-германские переговоры, и они были несравненно более похожи на переговоры, чем беседы с представителями Лондона и Парижа. Шуленбург сообщил, что подготовка торгового соглашения подходила к концу. Нарком вручил послу официальный ответ Совнаркома на предложения, сделанные германской стороной 15 августа. В нем говорилось о готовности Советского правительства, если Берлин готов отказаться от старой враждебной политики, пойти навстречу и изменить свой внешнеполитический курс. Пик проти-

³ Первая публикация: ИА REGNUM, 26 февраля 2020 года.

воречий совпал с появлением в Москве представителя США, который долгое время отсутствовал.

В окружении президента США с конца 1938 года явно присутствовали скептические оценки возможностей СССР. Бывший американский посол Буллит (1933–1936 гг.) считал, что после репрессий РККА не способна «ни к каким активным военным действиям», а сама страна в настоящее время является «большим человеком Европы» (по аналогии с Османской империей XIX века). При этом в перспективе будущей войны Буллит не сомневался. 5 марта 1939 года Рузвельт после долгих поисков назначил нового посла в Москву. Президент и государственный секретарь искали фигуру, на которую могли бы полагаться, которая устроила бы местный бизнес и неплохо относилась бы к Советскому Союзу. Этим человеком должен был быть, по словам американского историка, представитель солидного еврейского банка. В конечном итоге им стал Лоуренс Штейнгардт, выпускник Колумбийского университета, мечтавший о дипломатической карьере. Он задержался с приведением в порядок своих дел, между тем в июле 1938 года посол Дэвис (1936–1938 гг.) уже покинул СССР. Штейнгардт отплыл из Америки 12 июля и вручил верительные грамоты 9 августа, сразу по приезде в Москву. Новый посол и глава НКВД зафиксировали полное отсутствие противоречий между двумя странами. Это было справедливо применительно к политике.

Экономические отношения между двумя странами в этот период не были процветающими, хотя и было продлено торговое соглашение. Вывоз из США в СССР существенно превосходил ввоз

в эту страну. За 1937–1938 торговый год эти данные составили 65 698 тыс. долларов против 19 909 тыс. долларов. Возможности изменить эту диспропорцию не было. Возможности получить займы под приемлемые кредиты исключались. Кроме того, Вашингтон по-прежнему надеялся добиться возвращения части дореволюционных долгов, переговоры по проблеме были прерваны в 1935 году. В любом случае, политические контакты между СССР и США в течение весьма важного периода — почти месяца — были сведены к минимуму. В критический месяц принятия Москвой решения американская позиция не была представлена никаким образом.

Между тем сам Рузвельт уже 1 июля был уверен: поляки не пойдут на уступки и будут драться за Данциг, время «политики умиротворения» для Англии закончилось. Как в Европе, так и в Азии, хотя он и опасался уступчивости англичан в Китае. 2 июля президент Рузвельт заявил полпреду СССР, что его страна не будет далее поддерживать японцев военными поставками. В конечном итоге администрация Рузвельта решила вмешаться в развитие кризиса в Европе только в начале августа, убедившись в реальности срыва англо-франко-советских переговоров. Советское правительство было извещено о негативном отношении президента к угрозе войны лишь 16 августа. В этот день с В. М. Молотовым встретился Штейнгардт. Он сообщил о том, что президент является сторонником соглашения против агрессии и понимает опасное положение, в котором оказался СССР ввиду опасности со стороны Германии и Японии.

На просьбу сообщить, по мере возможности, о ходе переговоров с Ан-

глией и Францией, Молотов ответил: «Этим переговорам мы придаем большое значение, что видно уже из того большого времени, которое мы отдавали этим переговорам. Мы с самого начала относимся к переговорам не как к делу, которое должно закончиться принятием какой-то общей декларации. Мы считаем, что ограничиваться декларацией было бы неправильно и для нас неприемлемо. Поэтому, как в начале переговоров, так и сейчас, нами ставился вопрос так, что дело должно идти о конкретных обязательствах по взаимопомощи в целях противодействия возможной агрессии в Европе. Нас не интересуют декларативные заявления в переговорах, нас интересуют решения, которые имеют конкретный характер взаимных обязательств по противодействию возможной агрессии». Изложение советской позиции было предельно ясным, как и недвусмысленным было и заявление Молотова о том, что успех или неудача ведущихся переговоров зависят не только от советской стороны. Штейнгардт правильно понял происходящее и немедленно известил государственный департамент о том, что в ближайшее время возможно заключение советско-германского договора о ненападении. Там ему не поверили.

17 августа Молотов принял Шуленбурга. Посол зачитал ему «Памятную записку», присланную из Берлина. В ней говорилось о том, что Германия готова заключить соглашение с СССР и определить срок ненападения в 25 лет, сотрудничество двух стран может иметь самый широкий характер. Не скрывался и тот факт, что, учитывая «польские провокации», Германия хотела бы достигнуть соглашения быстрее. Риббен-

троп был готов прибыть в Москву, начиная с 18 августа. Шуленбург высказался даже более энергично: «Германия не намерена терпеть польских провокаций». На вопрос главы Советского правительства, готова ли Германия учесть интересы СССР на Балтике, фактически последовало согласие обсудить этот вопрос при приезде Риббентропа.

После этого оставалось только одно: уточнить программу будущего соглашения и подготовить визит главы МИД Германии. 19 августа Шуленбург и Молотов начали обсуждать условия будущего договора о ненападении, был составлен и его проект. А в Польше близкая к МИД газета «Эко де Варсови» в этот день выступила с заявлением о новой судьбе старого договора с Румынией, который теперь «эвентуально действителен и против Германии» (разумеется, Бухарест ничего не знал об этих оригинальных изменениях). Также газета оценивала требования Москвы как нежелательные, а предложения — как те, о которых не просили. В случае необходимости Польша доведет численность своей армии до 4,5 млн чел. и, ясное дело, справится с германской угрозой самостоятельно. К этому моменту в военном отношении почти все было решено, как в Европе, так и на Дальнем Востоке.

На последнем этапе подготовки к наступлению против японцев у советского командования возник план более глубокого охвата группировки противника, за счет обхода его по территории Манчжурии. Сталин категорически запретил делать это: «Вы хотите развязать большую войну в Монголии. Противник в ответ на ваши обходы бросит дополнительные силы. Очаг борьбы неминуемо расширится и примет затяжной

характер, а мы будем втянуты в продолжительную войну. Надо сломить японцам хребет на реке Цаган». Противник тем временем готовился основательно расположиться на занятой монгольской территории. 4 августа была сформирована новая 6-я армия. 17 августа её командующий, генерал-лейтенант Огису Рюхей, отдал приказ о строительстве зимних казарм и рекогносцировке позиций РККА на восточном берегу Халхин-Гола. Выполнить это распоряжение его подчиненным не удалось. Во всяком случае, полностью.

6 августа была торжественно отмечена годовщина окончания боев на Хасане. Центральная пресса СССР призывала к единству и готовности стоять начеку для будущей победы. Страну готовили к новостям о решающих событиях. В ночь с 19 на 20 августа советско-монгольские войска на Халхин-Голе скрытно вышли на исходные позиции. Действия по маскировке были успешными — японцы не заметили концентрации сил. Для подготовки наступления было собрано 208 орудий (в конце июля их было 132), большая часть которых была представлена тяжелыми — 107, 122 и 152-мм гаубицами и пушками. Утром 20 августа под прикрытием 100 истребителей 150 советских бомбардировщиков нанесли удар по японским позициям; вслед за этим 2 часа 45 минут окопы противника утюжила артиллерия; по завершении артподготовки был нанесен еще один бомбовый удар и началось наступление пехоты и танков. Удары советской авиации и артиллерии были столь массивными и впечатляющими, что противник даже не пытался оказывать сопротивление. Ответного огня с земли не было, как и японских истребителей в воздухе.

Наблюдавший обстрел военный корреспондент Константин Симонов вспоминал о том, как выглядели японские позиции: «Это было похоже на извержение, особенно, если смотреть в бинокль». Японский солдат проявил себя, как всегда, достойным, храбрым и упорным противником. Ему пришлось сражаться в исключительно тяжелых условиях. «Наших самолетов еще не видно. — Записал в 6:50 20 августа в свой дневник один из оборонявшихся. — Темная туча артиллерийских снарядов падает вблизи и вдали от нас. Становится жутко». На этом этапе боев советское командование предложило нанести бомбо-штурмовой удар по японским аэродромам в глубине маньчжурской территории, но Москва категорически запретила делать и это. 21 и 22 августа шли упорные бои, но, в конце концов, наши войска обошли японцев с флангов. 23 августа был отдан приказ о ликвидации противника на территории МНР. Штаб Квантунской армии тем временем издавал приказы, сообщавшие об успешном контрнаступлении японо-маньчжурских войск против вторгшейся на территорию Маньчжоу-го Красной Армии. 26 августа основные силы японцев были окружены. Их немедленно начала активно добивать артиллерия. 27 августа в связи с уничтожением вторгшейся группировки врага советские и монгольские войска получили новый приказ: «Не допускать проникновения противника на территорию МНР, и в случае проникновения в ее пределы — уничтожить».

Тем временем переговоры в Москве затягивались, преследования немцев в Польше нарастали, и вместе с ними нарастала напряженность в германопольских отношениях. По словам бри-

танского посла в Германии, только неопределенность в отношении к России сдерживала Гитлера в августе 1939 г. Англо-французская дипломатия пыталась склонить Польшу к сотрудничеству. Военное министерство Франции не направило в Варшаву специальную миссию, но уже 15 августа поставило военного агента в Польше в известность о деталях переговоров в Москве для того, чтобы ввести польский Генеральный штаб в курс дела. Позже к этому подключился и МИД. Уже 16 августа в докладной записке на имя главы правительства министр иностранных дел Бонне отметил, что необходимо было предварить предоставление гарантий Польше ее согласием на принятие советской помощи и нужно сделать все возможное, чтобы «поляки поняли сейчас, пока еще не слишком поздно, необходимость занятия менее отрицательной позиции».

17 августа Думенк вновь обратился в Париж с напоминанием о позиции, занятой советской делегацией — она настоятельно требовала решения вопроса о Польше и Румынии и явно опасалась потери времени в случае начала германской агрессии. «Нет сомнения в том, что СССР желает заключить пакт, — писал генерал, — и что он не хочет, чтобы мы представили ему документ, не имеющий конкретного значения; маршал Ворошилов утверждал, что все эти вопросы о помощи, тылах, коммуникациях и т. п... могут быть обсуждены без каких-либо трудностей, как только вопрос, который они называют «кардинальным вопросом», будет разрешен... Атмосфера всегда была очень сердечной, советский прием — превосходным».

17 августа французский посол в СССР Поль-Эмиль Наггиар обратился к своему коллеге в Польше Леону Ноэлю с телеграммой. Это был результат консультаций с Думенком: «Самое меньшее, что нам следовало бы добиться от поляков, заключается в том, чтобы они не занимали позиции, которые спровоцировали бы разрыв наших переговоров с русскими». Посол и военный атташе в Польше должны были приложить усилия для того, чтобы объяснить необходимость создания общей программы действий. Наггиар предупреждал: «Если поляки не пойдут на это минимальное предложение, то они сорвут наше соглашение с русскими, что сразу привело бы к таким последствиям, всю серьезность которых как для них, так и для нас, являющихся их гарантами, они могут себе представить». Но представить себе это польские политики явно не могли. 18 августа Бонне также начал информировать польского посла о ходе переговоров, а тот, соответственно, извещал об этом Варшаву. Активно действовали и англичане. Вечером 19 августа британский посол Говард Кеннард встретился Бекком и попытался объяснить ему положение. Последовал категорический ответ: Польша является суверенной страной, и её правительство не допустит ни германских, ни советских войск на своей территории. Неудачей окончилась и предпринятая в этот день трехчасовая попытка британского и французского военных атташе объяснить генералу Стахевичу необходимость соглашения с СССР.

Олег Айрапетов

Решение принято. Советско-германский договор 1939 года⁴

20 августа 1939 года Бек с явной гордостью известил польских представителей о том, что на просьбы прислушаться к предложению Москвы о пропуске войск к Восточной Пруссии в случае войны он ответил категорическим отказом. Министр обещал, что никакого соглашения не будет и Варшава не потерпит, чтобы такие вопросы решались бы за неё. Галифакс не терял надежды. 20 августа он поручил Кеннарду в Польше в очередной раз объяснить Беку, что отказ ставит под вопрос соглашение с СССР, что московские переговоры отложены на время, а если они провалятся, то, «я убежден, что такая неудача воодушевит Гитлера начать войну, в которой Польша будет нести главную тяжесть первого нападения». 21 августа англо-франко-советские переговоры в Москве возобновились. Только в этот день Дракс смог продемонстрировать полученный из Лондона документ с подтверждением его полномочий на ведение переговоров, заверенный Галифаксом. После этого стороны обменялись заявлениями.

Первым был Дракс: «Английская и французская миссии были приглашены в СССР для выработки военной конвенции. Советская миссия поставила перед ними сложные и важные политические вопросы, которые могут быть разрешены только правительствами. Отсюда — нежелательная для всех участников отсрочка, ответственность за которую они не могут принять на себя. В заключение адм[ирал] Дракс предлагает не делать никаких заявлений в прессу о перерыве работы совещания на неопределенный срок во избежание нежелательных последствий». В ответ последовало заявление: «Советская миссия выступила с заявлением. Советская миссия отмечает, что миссии Англии и Франции были командированы их правительствами для выработки военной конвенции, неразрывно связанной с заключением политического пакта. Советская миссия снова подчеркивает, что пропуск Вооруженных Сил СССР через территории Польши и Румынии является военной аксиомой, и если французы и англичане превращают этот вопрос в большую проблему, требующую длительного из-

⁴ Первая публикация: ИА REGNUM, 3 марта 2020 года.

учения, то есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному военному сотрудничеству. Вот почему ответственность за перерыв переговоров целиком падает на французскую и английскую сторону». К этому времени Советское правительство уже сделало свой выбор.

Первым очевидным успехом нового курса стало торгово-кредитное советско-германское соглашение. Его подписали в Берлине заместитель полпреда СССР в Германии Е. И. Бабарин и заведующий восточноевропейской референтурой политико-экономического отдела МИД Германии Шнурре. Германия предоставляла Советскому Союзу кредит на 200 млн марок сроком на 7 лет под 5% годовых. Со своей стороны Москва обязалась за 7 лет поставить в Германию товаров на сумму в 180 млн марок. Германский заем использовался для покупки немецких технологий, станков и т. п. Это был прорыв.

В список товаров, поставляемых германскими фирмами за счет кредита, входили разного рода станки, железнодорожное оборудование, прессы, ковочные молоты свыше 5 тонн, машинное оборудование, мостовые, кузнечные, поворотные, плавучие краны, прокатные станы, компрессоры, оборудование для производства жидкого горючего из угля, для получения азота, различное электрооборудование, оптические, контрольные и измерительные приборы, некоторые предметы вооружения и т. п. Те же товары должны были поставляться и за счет сумм, получаемых от текущей выручки советского импорта в Германию. Советский Союз в основном поставлял продукцию лесного хозяйства (74 млн марок), сельского хозяйства (более все-

го кормовые хлеба — на 22 млн марок, хлопок-сырец на 12,3 млн марок, жмыхи на 8,4 млн марок), пушнину (на 5,6 млн марок), фосфаты (на 13 млн марок), смазочные масла (на 5,3 млн марок), бензин (на 1,2 млн марок) и т. п. Фактически это был обмен стратегически важных технологий на сырье.

Сообщение ТАСС о соглашении завершалось весьма примечательными словами: «Можно ожидать, что новое советско-германское торговое соглашение существенно улучшит экономические отношения между обеими странами и будет серьезно содействовать улучшению товарооборота между ними». Торговое соглашение, как гласила передовица «Правды», должно было разрядить напряженную атмосферу, которая установилась между Германией и СССР. На очереди были политические отношения. 20 августа Берлин известил Москву о том, что если в СССР приедет Риббентроп, то он сможет подписать соглашение о разделе интересов двух стран в Прибалтике.

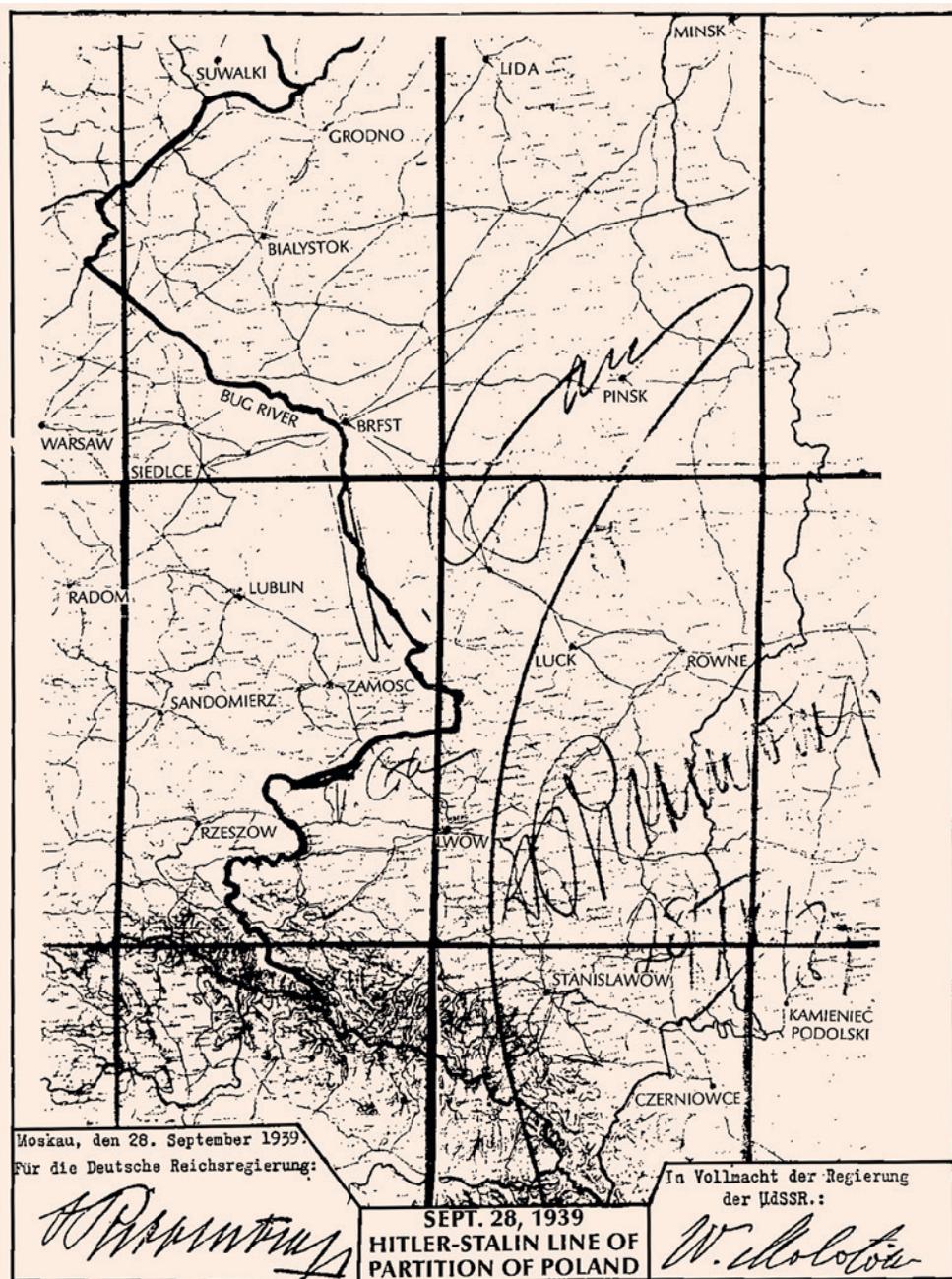
21 августа к Сталину с телеграммой обратился Гитлер. Он приветствовал заключение торгово-кредитного соглашения и предложил заключить пакт о ненападении, который «означает для меня закрепление германской политики на долгий срок. Германия, таким образом, возвращается к политике, которая в течение столетий была полезна обоим государствам. Поэтому германское правительство в таком случае исполнено решимости сделать все выводы из такой коренной перемены». Перспектива развития перемен была также названа предельно ясно: «Напряжение между Германией и Польшей сделалось нестерпимым. Польское поведение по отношению к великой державе таково, что кри-

зис может разразиться со дня на день». 21 августа 1939 года Сталин в ответ на предложение Гитлера улучшить двусторонние отношения с Германией ответил письмом на его имя. «Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении, — говорилось в этом письме, — создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами. Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Соглашение германского правительства на заключение пакта ненападения создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами. Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г-на Риббентропа 23 августа». Получив это письмо, Гитлер был в восторге: «Теперь весь мир у меня в кармане!»

22 августа центральная пресса сообщила, что в связи с настоятельной необходимостью улучшения двусторонних отношений после заключения торгового-кредитного соглашения правительства Германии и СССР пришли к выводу о необходимости предотвращения войны и заключения пакта о ненападении. В связи с этим в ближайшее время ожидается приезд главы германского МИД. 22 августа французы вновь предприняли попытку — последнюю и отчаянную — повлиять на явно упивавшихся своим значением Бека и Рыдз-Смиглы. Ноэль должен был напомнить им и о гарантиях, и о финансовой поддержке, и обо всем том, что сделала и продолжала делать для них Франция. Целью было согласие на сотрудничество с Москвой, пока не поздно. В тот же день Думенк обратился к Ворошилову с просьбой о встрече деле-

гаций в 18:00, так как им был получен положительный ответ его правительства на запрос советских миссий.

Вечером выяснилось, что генерал готов подписать военную конвенцию, в том числе включающую в себя вопрос о допуске Красной Армии на территорию Румынии и Польши, но только от лица французского правительства. Но Думенк не имел информации не только о позиции правительств Польши и Румынии, но даже, как выяснилось, и о позиции Дракса и британского правительства. Впрочем, генерал был «почти уверен», что Лондон поддержит Париж. Собственно это не было ответом на вопросы советской делегации. Во всяком случае, ответ был абсолютно неприемлемым и исчерпывающим. Тем не менее Думенк счел себя вправе выразить неудовольствие предстоящим визитом Риббентропа. Было поздно. «Тов. Ворошилов заметил, что переговоры — политические и военные — по вине правительств Англии и Франции сильно затянулись, поэтому не исключено, что в это время могут произойти политические события, которые сделают продолжение переговоров делом бесполезным. А в настоящее время все зависит от скорейшего получения исчерпывающих ответов от правительств Англии и Франции». Ворошилов завершил беседу предельно ясно: «Мы на бесполезную работу не можем тратить время. Когда будет внесена полная ясность и будут получены все ответы, тогда мы будем работать». Этого так и не случилось. В последний момент Чемберлен попытался перехватить инициативу. 22 августа он предложил Гитлеру прямые переговоры с Польшей для того, чтобы избежать катастрофы войны.

Карта из секретного приложения к пакту Молотова-Риббентропа с указанием новой германо-советской границы. 8 сентября 1939 г.

22 августа 1939 года Франц Гальдер записал: «Россия никогда не бросится, очертя голову, сражаться за Францию и Англию... Русские сообщили, что они готовы заключить пакт». 23 августа Риббентроп прилетел в Москву. Переговоры шли быстро, стороны пришли к соглашению, договор о ненападении был подписан в начале первого часа ночи. Страны отказывались от прямой агрессии по отношению друг к другу или враждебных действий в составе союза (ст. 1), брали обязательства не поддерживать третью страну в случае её нападения на одну из договаривающихся сторон (ст. 2), обязались консультировать друг друга по вопросам общих интересов (ст. 3), не принимать участия во враждебных друг другу группировках (ст. 4), решать конфликты, в случае их возникновения, мирным путем (ст. 5). Договор заключался сроком на 10 лет с возможной пролонгацией по истечению срока действия на 5 лет (ст. 6).

К соглашению прилагался секретный протокол, по которому стороны договаривались о распределении сфер влияния в Восточной Европе. Финляндия, Эстония, Латвия и Литва признавались сферой влияния СССР, при этом учитывались интересы Литвы в Виленском крае. Граница сфер интересов Москвы и Берлина в случае «территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства», должна была проходить по Висле, Нареву и Сану. «Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба правительства будут решать этот

вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия». Германия признавала интересы СССР в Бессарабии. Все были довольны достигнутыми результатами. После подписания договора последовал протокольный ужин с тостами за здоровье лидеров двух стран.

Официальная оценка соглашению была дана в передовице «Правды» 24 августа: «Вражде между Германией и СССР кладется конец. Различие в идеологии и в политической системе не должно и не может служить препятствием для добрососедских отношений между обоими странами. Дружба народов СССР и Германии, загнанная в тупик стараниями врагов Германии и СССР, отныне должна получить необходимые условия для своего развития и расцвета». В тот же день Риббентроп улетел в Берлин. Визит был коротким, но важным. 23 августа Гитлер принял Гендерсона в Берхтесгадене и с нескрываемой радостью сообщил ему о достигнутом соглашении с СССР. Британский посол разразился размышлениями о том, что «дружба России будет более опасной, чем ее вражда».

24 августа из источника в германском посольстве американский посол в Москве узнал о секретном приложении к пакту о ненападении — Штейнгардт немедленно сообщил о разделе сфер влияния в Восточной Европе Вашингтону. 25 августа Гендерсон известил Галифакса о своем разговоре с Гитлером — тот сообщил послу, что не намерен более терпеть Польшу и что проблема Данцига должна быть решена в ближайшее время. Гитлер добавил, что не хочет воевать с Англией и не будет воевать с Россией, так как заключил с ней договор. Дело было сделано.

Олег Айранетов

Конец августа 1939 года. Дипломатические и военные победы СССР⁵

24 августа Дракс от имени британской и французской миссий сделал запрос Ворошилову: есть ли возможность и желание продолжать встречи, в противном случае англичане и французы незамедлительно покинут Москву. «Не откажите также сообщить, — писал адмирал, — желали бы Вы, чтобы главы двух миссий посетили бы Вас сегодня с тем, чтобы проститься с Вами». Ответ был получен в тот же день. Ворошилов писал: «Ввиду изменившейся в последние [дни] политической ситуации продолжение бесед военных миссий, к тому же, как это опытом доказано, совершенно бесполезных, считаю невозможным. Сочту приятным долгом позвать на прощание руку господину адмиралу Дракс и господину Генералу Думенк».

Дракс и Думенк были приняты Ворошиловым и Шапошниковым 25 августа. Всё было ясно, но Дракс вновь задал вопрос о возможности продолжения встреч. Ворошилов еще раз констатировал, что переговоры потеряли «всякий смысл». Прощаясь, маршал заявил: «К сожалению, нам на этот раз не уда-

лось договориться. Но будем надеяться, что в другое время наша работа будет носить более успешный характер. В этот момент, когда мы разговаривали относительно организации единого фронта против агрессии в Европе, польская пресса и отдельные политические деятели особенно энергично и непрерывно заявляли о том, что они не нуждаются ни в какой помощи со стороны СССР. Румыния хоть молчала, но Польша вела себя весьма странно: она кричала на весь мир, что советских войск не пропустит через свою территорию, не считает нужным иметь дело с Советским Союзом и т. д. При этих условиях рассчитывать на успех наших переговоров, разумеется, было невозможно». Дракс, Думенк и Ворошилов высказали надежду, что в будущем сотрудничество будет развиваться в более благоприятных условиях. В ночь на 26 августа миссии покинули Москву.

В тот же день Ворошилов дал интервью «Известиям». Он фиксировал очевидное: «Ввиду вскрывшихся серьезных разногласий переговоры прерваны. Военные миссии выехали из

⁵ Первая публикация: ИА REGNUM, 12 марта 2020 года.

*Обложка журнала Newsweek
от 9 октября 1939 г.*

Москвы обратно». Четко была названа и причина разногласий — отказ союзников пропустить советские войска через территорию Польши для совместных действий против потенциального агрессора. «В этом основа разногласий, — заявил маршал. — На этом и прервались переговоры». Интервью завершали правдивые и весьма актуальные и сегодня слова: «Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Англией и Францией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий».

Произошло то, что 31 октября 1939 года Молотов в своей речи на Пя-

той сессии Верховного Совета СССР назвал концом ненормальных отношений между Германией и СССР, «сближением и установлением дружественных отношений» между двумя странами. Сообщение ТАСС от 24 августа оценило договор следующим образом: «Он кладет конец враждебности в отношениях между Германией и Советским Союзом, той враждебности, которую старались раздувать и поддерживать враги обоих государств. Идеологические различия, как и различия в политической системе обеих стран, не могут и не должны стоять на пути к установлению и поддержанию добрососедских отношений между Советским Союзом и Германией. В только что подписанном договоре о ненападении, как и в торгово-кредитном соглашении от 19 августа, заключены необходимые предпосылки для расцвета дружественных отношений между народами Советского Союза и германским народом».

В США известие об этом договоре вызвало эффект разорвавшейся бомбы. Рузвельт прервал отдых и вернулся в столицу. Он попытался убедить поляков и немцев в необходимости взаимных уступок, но без особого успеха. Еще больший шок новости о советско-германском сближении вызывали в Токио. На переговорах с Риббентропом Сталин, говоря о потерях японцев в Монголии, сказал, что это — единственный язык, который понимают азиаты. «Впрочем, — добавил он, — я сам один из них и знаю, что говорю». Эффект от потери союзника был не менее сильным, чем от новостей о неудачах на Халхин-Голе. В Токио шли совещания в верхах, японские и маньчжурские газеты единодушно высказывались о том, что положение

на Дальнем Востоке теперь значительно усложнится. Британский посол в Японии сообщал в Лондон: «Все говорит о том, что сообщение о советско-германском пакте о ненападении явилось для японцев сильным потрясением, и, чтобы выйти из этого состояния, им потребуется некоторое время». По словам Зорге, это была сенсация: «Нарастает внутривосточный кризис».

Казалось, в Токио вот-вот начнутся огромные перемены. Британский посол Крейги был уверен: наступает прекрасное время для борьбы за Японию, чтобы отдалить её от Германии и приблизить к Англии. Игра того стоила — у этой страны был мощный флот, армия со значительным количеством опытных солдат и офицеров, «решительный народ, способный к величайшему самопожертвованию». Такой же вывод сделал и временный поверенный в делах СССР в Японии: «Подписание пакта о ненападении между СССР и Германией сильно изменило международную обстановку и спутало все карты японских империалистов, с одной стороны, а с другой — заставило убедиться японский народ в явном провале всей японской дипломатии и внешней политики. В газетах прямо указывается на то, что проводившаяся до сих пор Японией внешняя политика потерпела крах, следовательно, пишут газеты, для Японии сейчас не остается иного пути, как только изменить ее». 26 августа, вслед за подписанием советско-германского договора глава МИДа Арита протестовал против нарушения секретного приложения к антикоминтерновскому пакту 1936 года. Японский посол в Берлине Осима вручил протест не сразу же после получения, а только

18 сентября, на фоне побед германской армии в Польше.

Премьер-министр генерал Киитиро Хиранума на заседании Тайного совета 30 августа призвал к отставке кабинета и заявил: «Эти события — провал нашей дипломатии, возникший в результате неблагоприятных действий армии». Единственным крупным успехом Японии этого месяца было проведение Ван Цзин-вэем съезда своих сторонников в Нанкине 28 августа. Это был значительный шаг вперед к созданию коллаборационистского правительства Центрального Китая. Оно было создано в Нанкине 31 марта 1940 г. Кроме того, Япония усилила давление на Францию с целью заставить Париж отказаться от транспортных перевозок на контролируемую Чан Кайши территорию через порты французского Индокитая. Париж начал тормозить столь нужные для Китайской Республики грузы. Ключом к поведению Сталина в эти часы были его слова, сказанные Риббентропу: «Русские интересы важнее всех других». Это отношение было единственным разумным подходом к внешней политике нашей страны. В конце августа 1939 года это означало снятие для СССР угрозы войны на два фронта.

Окруженную на Халхин-Голе японскую группировку можно было добивать. Она не была пассивна и постоянно пыталась прорваться. Советское командование около 60 раз обращалось к окруженным с предложением сдаться. Ответа не было. Противник отчаянно и храбро оборонялся. Впрочем, это уже была борьба обреченных. 1 сентября ТАСС сообщил о том, что 21–28 августа предпринимались многочисленные попытки

прорвать окружение как извне, так и изнутри кольца блокады, но все они были отбиты. В ночь с 28 на 29 августа остатки окруженных были уничтожены, японцы были изгнаны с территории Монголии. По японским данным, это произошло к 31 августа. От 23-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Камацубара осталось около 400 чел.

28 августа советское командование издало приказ по армейской группе с благодарностью за победу: «Японская военщина получила новый предметный урок, который отрезвит зарвавшегося и неумного нашего соседа. Товарищи! Все рода оружия, все наши части действовали героически, соревнуясь в доблести, мужестве и самоотверженности. Наши храбрые стрелки-пехотинцы огнем, штыком и гранатой окончательно и бесповоротно очистили от врагов землю Монгольской Народной Республики и защитили нашу Советскую Родину. Наши сталинские соколы днем и ночью беспощадно истребляли врага в воздухе и на земле. Наши доблестные танкисты огнем и гусеницами стирали с лица земли самурайскую нечисть. Наши славные артиллеристы меткими ворошиловскими залпами сокрушили японскую погань».

29 августа Ворошилов поздравил «доблестных защитников Советской Родины, славных бойцов Халхин-Гола с блестящей победой над японскими войсками». 1 сентября ТАСС сообщил о том, что 21–28 августа предпринимались многочисленные попытки прорвать окружение как извне, так и изнутри кольца блокады, но все они были отбиты.

Захваченные красноармейцами окопы противника были забиты телами —

в нестерпимом летнем зное на бывших японских позициях стоял страшный трупный смрад. Трофеями победителей стало около 12 тыс. винтовок, 400 пулеметов, 200 орудий, 100 автомашин и т. д. В ходе боев потери советско-монгольских войск составили 18,5 тыс. чел., японских — до 61 тыс. чел. По мнению японцев, их потери были ниже: между 52 и 55 тыс. чел. (по разным источникам), а наши выше — до 25 тыс. чел. Но в любом случае японские дивизии, принимавшие участия в боях, были жестоко наказаны. 23-я дивизия потеряла 79%, 72-я — 78,5% и 64-я — 69%, 13-й полк полевой артиллерии — 76% личного состава.

Тем не менее продолжались бои в воздухе. Японская авиация не прекращала налетов на монгольскую территорию. В связи с этим утром 30-го августа командование 1-й Армейской группы, в которую были сведены советско-монгольские войска, обратилось в Москву с просьбой разрешить нанести удары по ближним аэродромам противника на маньчжурской территории. Через два часа после запроса пришел запрет — Ворошилов категорически распорядился действия авиации «ограничить пока территорией МНР». Очевидно, полной уверенности в том, чем все кончится, пока еще не было. 5 сентября командующий 6-й японской армией отдал приказ о подготовке к новому наступлению. В нем, в частности, говорилось: «В армии все сверху и донизу проникнуто решительным наступательным духом и уверены в неизбежности победы. Армия всегда и всюду готова подавить и уничтожить противника с верою в своего первого маршала — императора». Бои в воздухе продолжались

вплоть до 15 сентября. Было ясно, что удар, который получила Квантунская армия, не исчерпал возможностей Японии — её дальнейшее поведение оставалось непредсказуемым. До Халхин-Гола, по словам британского историка, война

против России являлась желанной целью японской армии, после — «японцы решили оставить Россию в покое». Это правильное суждение нужно понимать образно, было бы неверно трактовать его дословно.

Юрий Никифоров

«Пакт Молотова—Риббентропа» и его обличители

Советско-германский договор о ненападении — это отправная точка, из которой исходят все антисоветские, антироссийские пропагандистские вымыслы и домыслы о Второй мировой войне: о «союзе Сталина с Гитлером», о «равной ответственности СССР и нацистской Германии», и т. п. Историкам, конечно, столь примитивные и поверхностные трактовки претят, но кто ж их слушает? Людям втемяшивают не знание, а идеологические штампы. Это не поиск истины — это информационная война.

Если же основывать свое мнение на фактах, то ни обстоятельства заключения Договора о ненападении между СССР и Германией, ни его содержание и последствия не должны сегодня быть для России ни политической, ни этической проблемой.

В пользу этого говорит, например, то, что к настоящему времени практически все документы о советско-германских отношениях, хранящиеся в Архиве Президента РФ и Архиве внешней политики РФ рассекречены, причем наиболее значимые из них — опубликованы. То есть, никаких секретов в наших архи-

вах не осталось. Мы знаем достаточно, чтобы делать выводы.

Прежде всего, мы знаем, что договор был заключен по инициативе немецкой стороны. Причем Сталин решил принять предложение Гитлера только тогда, когда в ходе московских переговоров с британской и французской военными миссиями окончательно выяснилась бесперспективность расчетов Кремля на создание антигитлеровской коалиции летом 1939 года.

Во-вторых, — это особенно важно! — документы Третьего рейха о подготовке к войне свидетельствуют: планируя военный разгром и уничтожение Польши, нацисты совершенно не связывали реализацию этого замысла с наличием или отсутствием каких-либо договоренностей с СССР. Удастся заключить договор со Сталиным или нет — для Гитлера это не играло решающей роли. Единственное, что могло его остановить, — это создание новой Антанты, англо-франко-советского союза, причем с участием Польши. Но этот вариант был заблокирован не по вине СССР. Камнем преткновения стало нежелание Англии, а также Польши вступить в договорные отношения с Советским Сою-

зом и вообще рассматривать нашу страну как равноправного партнера на международной арене.

В одном из выступлений Президента России В. В. Путина была сформулирована важная мысль: мировая архитектура безопасности должна гарантировать равноправный характер взаимодействия, подлинный баланс сил и гармонию интересов (принцип неделимости безопасности). Разве не из этого принципа, артикулированного в середине 30-х годов наркомом иностранных дел СССР М. М. Литвиновым как «неделимость мира», исходила советская дипломатия, пытаясь уговорить Великобританию и Францию поставить барьер на пути реваншистских устремлений Германии, осудить агрессию Италии против Эфиопии, не допустить падение Испанской Республики под ударами армий испанских и итальянских фашистов?

А так называемый «Мюнхенский договор»? «Наверное, можно будет найти приемлемое решение для всех, кроме России», — эта фраза министра иностранных дел Великобритании Галифакса, по поручению Чемберлена вылетавшего на переговоры с Гитлером по вопросу о судьбе Чехословакии, хорошо перекликается с известным высказыванием З. Бжезинского о новом мировом порядке «без России и за счет России».

Говоря о решении Сталина пойти на заключение договора с Германией, нельзя также упускать из виду глобальный международный контекст: мировая война летом-осенью 1939-го уже не была для СССР абстракцией. Вооружённый конфликт на Халхин-Голе с Японией был в самом разгаре, угрожая перерасти в полномасштабную войну. Так что в Кремле должны были думать не про-

сто о том, как избежать столкновения с Германией здесь и сейчас, но — опасаться перспективы войны на два фронта. Заключение советско-германского договора сильно пошатнуло позиции той части японской элиты, кто делал ставку на агрессию против СССР в союзе с Германией. Японцы сочли себя обманутыми и, в конечном счете, заключили с СССР пакт о нейтралитете, предпочтя выступить против Англии и США.

Кажется, с договором все ясно, но есть же еще «ужасный» секретный протокол, с этим как быть?

Продолжать спекулировать на теме секретного протокола могут только те, кто до сих пор не удосужился ознакомиться с его содержанием. Неслучайно Министерство иностранных дел РФ не так давно опубликовало его фотокопии. Какими бы «ужасными» ни казались кому-то формулировки о разграничении сфер интересов, совершенно неоспоримо то, что протокол не налагал на Советский Союз обязательств предпринять что-то против Польши или Прибалтики. И тем более не предполагал действовать согласованно с Гитлером. Все, что произошло позднее — Освободительный поход Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, заключение договоров с правительствами прибалтийских государств и так далее — было вызвано новыми обстоятельствами, сложившимися в результате военного разгрома Польши и неспособности (нежелания) Франции и Англии оказать ей необходимую помощь. При этом мотивы действий СССР после пакта были исключительно рациональны: отодвинуть государственную границу, то есть будущую линию фронта, как можно дальше на запад, от жизнен-

но важных центров страны, выстроить наиболее удачную для обороны конфигурацию этой границы.

Очевидно, что СССР в своей внешней политике руководствовался своими суверенными интересами. А чем еще должно руководствоваться независимое государство?

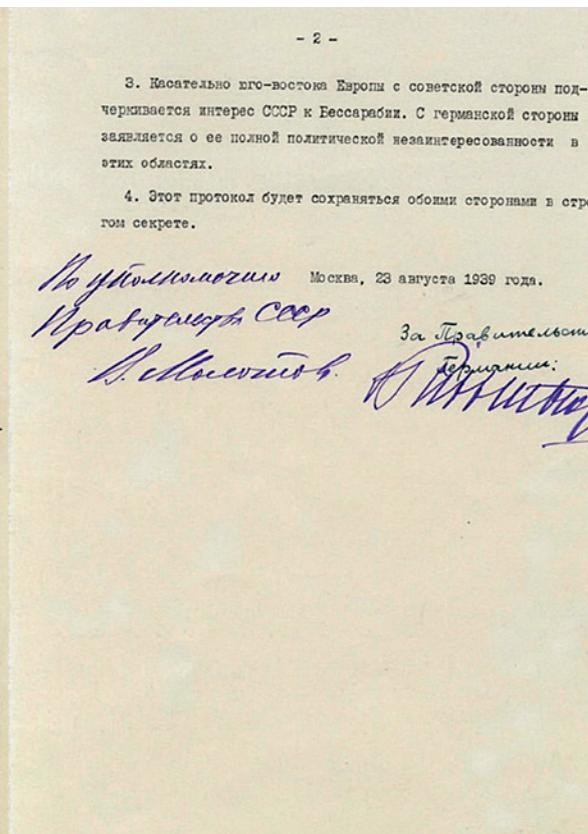
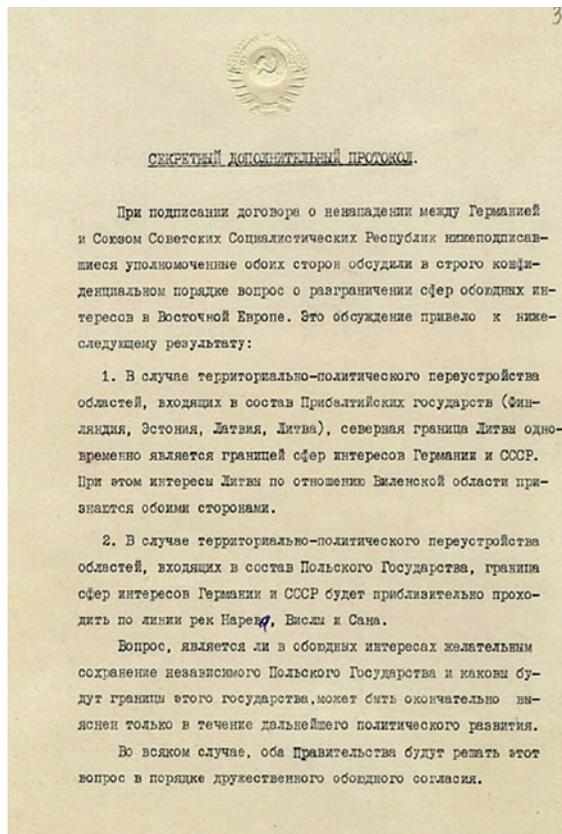
Весьма показательно, что антисоветчики разных мастей, десятилетиями проклиная Сталина за решение пойти на «сговор» с Гитлером, крайне неохотно отвечают на вопрос об альтернативах: а ЧТО надо было делать?

Гордо отвергнуть немецкое предложение, храня верность идеологическим миражам вроде «ленинских норм внешней политики»? (Так, например, пытались рассуждать члены «комиссии Яковлева» на Съезде народных депутатов СССР в 1989 году, которым была поставлена задача во что бы то ни стало убедить делегатов осудить договор.) В этом случае Германия оккупировала бы всю Польшу, затем ничто не пре-

пятствовало бы ей «взять под защиту» Прибалтику... При этом, отвергнув предложение Гитлера о ненападении, Сталин продемонстрировал бы свою враждебность, — можно ли рискнуть повернуться к нему спиной и переброшить войска против Франции? «Странная война» на западе может длиться сколько угодно, поэтому танковые группы вермахта начинают наступление на Москву и Ленинград уже весной 1940 года — начинают от Минска и Пскова! С востока наступает Япония, где жадуют реванша за Халхин-Гол. Хороша альтернатива?

Подписать договор о ненападении, но без договоренности о «сферах интересов», т.е. без секретного протокола? Последствия те же самые. Разве что Гитлер, полагаясь на договор, может сначала все-таки разгромить Францию. Но вторжение в СССР все равно начнется с рубежа старой границы. Успеют ли сибирские дивизии прийти на помощь осажденной Москве?

Секретный протокол

Еще вариант — проявить инициативу и объявить войну Германии после начала вторжения в Польшу. Ну и что, что польское правительство отвергает даже разговоры на эту тему, — вперед, на Берлин! Пусть во всех мировых столицах вопят о «большевистской угрозе», почему бы не пожертвовать жизнями миллионов русских мужиков ради спасения «цивилизованного человечества»?

Если бы Сталин действительно был таким, каким его рисуют всевозможные ненавистники, и мечтал бросить Россию в костер «мировой революции», он, наверное, так бы и поступил. Слава Богу, что «такой» Сталин существовал только на страницах геббельсовских газет и листовок. Ну, может быть, еще у Радзинского с Млечиным.

В заключение хочу затронуть еще один аспект данной темы, часто ускользающий от внимания тех, кто берется обсуждать советско-германский договор от 23 августа 1939 года в контексте «привязки» его к началу Второй мировой войны и актуальным общественно-политическим дискуссиям.

Вопрос об обстоятельствах подготовки, планирования и развязывания Германией войны в Европе исследовался в ходе Международного военного трибунала в Нюрнберге. В ходе судебного следствия было установлено, что ответственность за это преступление («преступление против мира») лежит на руководстве Третьего рейха. Поэтому современные политики восточноевропейских государств, декларируя вину Советского Союза, должны отдавать себе отчет, что тем самым ставят под сомнение справедливость Приговора в отношении главных нацистских преступников по главному пункту обвинения.

А именно: Трибунал вовсе не считал, что война в 1939 году началась спонтанно, в силу «правильного» или «неправильного» поведения тех или иных государств.

Давая правовое обоснование обвинению нацистских преступников в наличии «общего плана или заговора», Трибунал считал необходимым исследовать этот вопрос в исторической ретроспективе — начиная с момента образования нацистской партии, захвата гитлеровцами власти, перевооружения Германии, и т. д., — рассматривая все это как этапы в рамках подготовки и планирования агрессивной войны. Определяя захват Австрии и Чехословакии как «первые акты агрессии», а нападение на Польшу как «первую агрессивную войну», Приговор констатировал, что все они были частью «заранее намеченной схемы и плана», и «агрессивные планы нацистского правительства не возникли случайно в связи со сложившейся обстановкой в Европе и в мире».

Этот вывод был сделан в результате многомесячного изучения материалов дела и судебных слушаний, в ходе которых сторона защиты могла использовать все имеющиеся отношение к делу аргументы. В том числе, адвокат Р. Гесса А. Зайдль пытался предъявить Трибуналу и текст секретного протокола к Пакту Молотова—Риббентропа. Кроме того, по его настоянию в лагере для военнопленных или перемещенных лиц был разыскан Ф. Гаус, в 1939 году занимавший пост директора юридического департамента МИД Германии, письменные показания которого («аффидевит Гауса») были приобщены к материалам процесса. Однако на выводы трибунала этот документ не повлиял: прежде всего, потому, что формулировки пунк-

тов секретного протокола к Пакту ничего не добавляют и не убавляют, — они ничего не дают для решения вопроса об ответственности Германии.

Защитникам нацистов и в 1946 году, в ходе судебного процесса, и сегодня (раз уж они решили требовать «разделить ответственность» между Сталиным и Гитлером, «переиграть» процесс) следовало бы предъявить миру какие-то новые документальные свидетельства в пользу того, что подготовка и планирование руководством Третьего рейха агрессивной войны в Европе велась с оглядкой на позицию Кремля.

Пока же этого не сделано, то заявления в духе содержания резолюции Европарламента от 19 сентября 2019 года вполне могут рассматриваться как подпадающие под действие статьи 354.1. УК РФ «Реабилитация нацизма», состав преступления в которой определен как «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала..., а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны».

Что касается секретного протокола, то его текст составлен таким образом, что к делу его, что называется, «не пришьешь». Именно поэтому, кстати, сам текст протокола за семьдесят пять послевоенных лет весьма редко публиковался на западе, — или, лучше сказать, почти нигде не публиковался. Пропганда предпочитала (и предпочитает) работать за счет назойливого повторения мантры «сталин-гитлер, молотов-риббентроп», накачивая зловещий образ «нацистско-советского сговора» в глазах обывателей. Потому, очевидно, что

предъявление аутентичного текста (или того, что им считается) не позволяет создать необходимое качество этой «зловещности», придать пропагандистским обличения Пакта необходимый эмоциональный накал.

Итак, на мой взгляд, набирающая силу ревизия истории Второй мировой войны совершенно очевидно ведет к делегитимации Устава и решений Нюрнбергского трибунала, а значит, — к невозможности апелляции к ним как основополагающим документам с точки зрения системы международного гуманитарного права. Другими словами, в перспективе — к растабуированию, реабилитации тех практик нацистского режима, которые были объявлены преступными Нюрнбергским трибуналом и теми конвенциями ООН, что принимались после Второй мировой войны в развитие и дополнение Нюрнбергских решений.

С этой точки зрения, отстаивая правду о советско-германском договоре 1939 года, мы боремся не только и не столько за свое право на суверенный взгляд на историю Второй мировой войны, не за собственно «пророссийское» прочтение этой истории — мы продолжаем отстаивать тот набор гуманистических, христианских в своей основе ценностей европейской культуры и цивилизации, который отстаивали все антифашистские, антинацистские силы, объединенные в рамках Антигитлеровской коалиции, восставшие против предлагавшейся нацистами и всем «черным» фашистским интернационалом мировоззренческой «миропроектной» альтернативы.

Советско-германский договор о ненападении и его обличители: что произошло в августе 1939 года и происходит вокруг этого договора сегодня

Сборник статей информационного агентства REGNUM

Составитель *М. В. Демури*

Авторы:

Айрапетов Олег Рудольфович
кандидат исторических наук,
доцент МГУ имени М. В. Ломоносова

Демури Михаил Васильевич
публицист, ветеран дипломатической службы,
чрезвычайный и полномочный посланник II класса

Никифоров Юрий Александрович
кандидат исторических наук, доцент МПГУ,
начальник научного отдела Российского военно-исторического общества

Шишкин Игорь Сергеевич
политолог, кандидат педагогических наук, руководитель рабочей группы
Института стран СНГ по противодействию искажению истории

Корректор *Ф. М. Колеров*
Верстка *Д. Р. Муллагалиев*

Подписано в печать 06.06.2020. Формат 70x108 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура «Альдин 401». Печать офсетная
Усл. печ. л. 4,55. Тираж 1000 экз. Заказ №NNNN

Информационное агентство REGNUM
119072, г. Москва, Берсеневский пер., д. 2, стр. 1

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1 А

